

Р 1,007,415

КАКЪ ЖИВУТЬ

ЛЪЧАТСЯ КИТАЙЦЫ.

ДОКТОРА МЕДИЦИНЫ

П. Я. ПЯСЕЦКАГО.

(Автора „Путешествія по Китаю.“)

МОСКВА.

1882.

КАКЪ ЖИВУТЬ

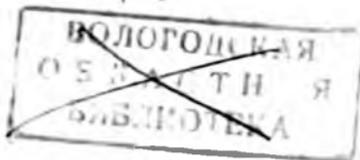
И

ЛЪЧАТСЯ КИТАЙЦЫ.

ДОКТОРА МЕДИЦИНЫ

П. Я. ПЯСЕЦКАГО.

(Автора „Путешествія по Китаю.“)

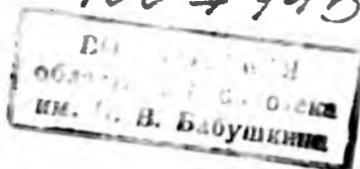

МОСКВА.

Въ Университетской типографіи (М. Катковъ),
на Страстной бульварѣ.

1882.

К 1004415

105235

91(5)
-11

045

Дозволено цензурою. Москва мая 29-го дня 1882 г.

КЪ ЧИТАТЕЛЯМЪ *).

Я совершилъ мое путешествіе въ Китай въ качествѣ члена экспедиціи 1874—75 годовъ. Она имѣла различныя задачи и между прочимъ ознакомленіе съ естественными произведеніями мѣстностей, лежавшихъ на нашемъ пути, что, вмѣстѣ со свѣдѣніями о санитарныхъ условіяхъ Китая и состояніи его медицины, составляло мою обязанность. — Въ настоящей статьѣ я намѣренъ изложить въ общихъ чертахъ собранныя мною свѣдѣнія относительно двухъ послѣднихъ вопросовъ; но прежде чѣмъ перейти къ нимъ, укажу путь, какимъ проѣхала экспедиція, и условія, въ какія были поставлены ея члены силою обстоятельствъ, всегда играющихъ важную роль въ путешествіяхъ, въ особенности по мало цивилизованнымъ мѣстностямъ. Читателю слѣдуетъ знать это, потому что кромѣ подготовки и желанія лица успѣхъ его дѣятельности зависить въ высочайшей степени отъ этихъ условій.

*) Свѣдѣнія, предлагаемыя въ настоящей брошюрѣ русскимъ читателямъ, составляютъ отчасти мои собственныя наблюденія во время путешествія по Китаю, отчасти свѣдѣнія заимствованныя изъ отчетовъ другихъ живущихъ тамъ европейскихъ врачей. Поэтому я могу отвѣчать за точность только того, что принадлежитъ самому мнѣ.

Въ мартѣ 1874 года мы отправились изъ Петербурга черезъ Сибирь на Кяхту, и черезъ Монголію на Ургу въ Пекинъ. Отсюда предполагалось направиться сухимъ путемъ въ Хань-Коу, но планъ былъ измѣненъ и мы поѣхали въ Тянь-Цзинь-Фу, находящійся въ нѣсколькихъ дняхъ пути отъ Пекина; отсюда до Шань-Хая переѣздъ совершонъ на пароходѣ, сначала по рѣкѣ Бэй-Хэ, потомъ моремъ и далѣе, также на пароходѣ, по Янъ-Цзы-Цзяну до Хань-Коу: здѣсь впадаетъ Янъ-Цзы, одинъ изъ притоковъ—Хань-Цзянъ, по которому мы поднялись въ лодкахъ почти до его истоковъ. Въ нижней части рѣки проходитъ по равнинѣ, а выше берега ея гористы, природа богаче, флора разнообразнѣе; въ большомъ количествѣ встрѣчаются персиковыя и абрикосовыя деревья, бамбуковыя рощи, рѣже невысокіе бананы и одинъ видъ пальмы *Нанаеорс*, о которыхъ я упоминаю, какъ о наиболѣе нѣжныхъ представителяхъ растительнаго царства, отчасти характеризующихъ климатъ.— Оставивъ рѣку, мы прошли по богатымъ горнымъ мѣстностямъ, воздѣланнымъ и плодороднымъ, перевалили черезъ хребетъ Чжунъ-Линъ (9.000 фут.), проѣхали черезъ огромную провинцію Гань-Су, опустошенную недавно прекратившеюся междоусобною войной, продолжавшейся слишкомъ двадцать лѣтъ. Еще поднялись на крайній хребетъ къ нагорной степи, достигнувъ высоты въ 10.000 ф.; далѣе пересѣкли Великую Пустыню (между городами Анъ-Си-Чжоу и Хами), представляющую голую землю, ровную или холмистую, мало песчаную, совершенно ненаселенную и скудную водой; только одинъ разъ въ сутки путникъ встрѣчаетъ здѣсь колодезь или бѣдный родникъ, около котораго зелѣнѣтъ на маленькомъ пространствѣ трава: здѣсь обык-

повенно останавливаются на ночлегъ, чтобы на слѣдующій день снова отправиться въ путь и къ вечеру придти къ другому такому же роднику или колодцу. Пустыня перебирается шагомъ между означенными пунктами въ 12 или 13 дней и, за исключеніемъ трехъ оазисовъ, почти ни одного деревца, ни одного кустарника не встрѣчаетъ глазъ на всемъ этомъ пространствѣ. Между г. Хами, лежащимъ въ плодородномъ оазисѣ, и г. Баркулемъ мы перешли Песенныя Горы, (Тянь-Шань), а за Гу-Чэномъ, послѣднимъ китайскимъ городомъ на нашемъ пути, вступили въ песчаныя безводныя пустыни, въ которыхъ, потерявъ дорогу, едва не погибли отъ жажды всѣ до одного человѣка; но, спасенные счастливымъ случаемъ, добрались до русской границы у нашего пикета Чаганъ-Обо, близъ Зайсанскаго поста, въ половинѣ октября 1875 года.

На всемъ пути экспедиція, сверхъ всякихъ ожиданій, находилась въ условіяхъ исключительно благопріятныхъ въ томъ смыслѣ, что туземныя власти оказывали ей всякія содѣйствія, а потому и населеніе относилось къ намъ скорѣе любезно, чѣмъ враждебно. Къ сожалѣнію только мы не могли воспользоваться этимъ благополучіемъ, потому что командовавшій экспедиціей капитанъ Сосновскій преслѣдовалъ какія-то „государственныя цѣли“, и потому только гналъ экспедицію, ничего не дѣлая самъ и не давая никому дѣлать что-либо, какъ слѣдуетъ. Вотъ доказательства.

На все путешествіе отъ Петербурга до возвращенія на нашу границу употреблено экспедиціей только девятнадцать мѣсяцевъ: изъ нихъ десять мѣсяцевъ, слѣдовательно больше половины, истрачены на проѣздъ до Хань-Коу (съ остановками въ попутныхъ городахъ), т.-е. до того пункта, откуда

начиналось собственно путешествіе; съ этого только пункта у насъ, какъ говорилось, начались работы, которыя раньше были совсѣмъ невозможны, потому что движеніе совершалось или на почтовыхъ, или на пароходѣ. Изъ девяти мѣсяцевъ, употребленныхъ на проѣздъ отъ Ханькоу до русской границы, около трехъ проведено во время остановокъ въ городахъ; остается слѣдовательно всего шесть мѣсяцевъ, въ которые я могъ собирать предметы для моихъ естественно-историческихъ коллекцій и дѣлать какія-либо наблюденія. Но это еще не все: три мѣсяца изъ этихъ шести пройдены рѣкою въ лодкахъ, въ которыхъ приходилось оставаться почти безвыходно, потому что онѣ раннимъ утромъ трогались въ путь, шли цѣлый день и только въ сумеркахъ останавливались на ночлегъ. Остановки, дѣланныя во время движенія по Хань-Цзяну, опредѣлялись совершенно случайными обстоятельствами и въ случайныхъ, а не избранныхъ почему-нибудь пунктахъ, напримѣръ въ городѣ Фань-Чань въ ожиданіи переводчика; у одной деревни—за дурной погодой; въ одномъ мѣстѣ у голыхъ скалъ— вслѣдствіе крушенія одной изъ двухъ лодокъ, лодки г. Сосновскаго и его компаніи, погибшей потому, что она была вовсе негодна по своему устройству для той части рѣки для которой была нанята, а нанята она была потому, что г. Сосновскому надо было „схоронить въ воду“ кой-какіе концы. Въ провинцію Сы-Чуань, самую богатую изъ всѣхъ, мы также не прошли, хотя это входило въ первоначальный планъ движенія и составляло самую главную задачу порученія. Въ остальные *три мѣсяца* экспедиція двигалась сухимъ путемъ и прошла къ это время расстояние въ *три тысячи верстъ!* Если присоединить къ этой быстротѣ

движенія разныя случайныя помѣхи, то окажется, что времени для научныхъ занятій въ моемъ распоряженіи почти не оставалось ничего. Кромѣ того, самое движеніе было перинормѣрно: въ иные дни останавливались раньше, въ другіе становились на ночлегъ поздно ночью; дневокъ во все время путешествія не дѣлали нигдѣ, за исключеніемъ нѣкоторыхъ городовъ. Экспедиція двигалась исключительно по большимъ дорогамъ, а я, имѣя только одну лошадь (потому что мои средства не позволяли мнѣ имѣть больше) не могъ дѣлать разѣздовъ въ стороны отъ дороги и долженъ былъ слѣдовательно, довольствоваться только тѣмъ, что встрѣчалось на ней самой или вблизи ея. Хорошо положеніе изслѣдователя. Далѣе при всѣхъ моихъ занятіяхъ мнѣ необходимъ былъ переводчикъ, но я не имѣлъ его, потому что два, бывшіе въ экспедиціи, находились безотлучно при начальникѣ, а взять третьяго переводчика, даже на мои личные средства, какъ и рѣшился наконецъ сдѣлать, инципникъ нашелъ „положительно неудобнымъ“. Само собою разумѣется, что при такихъ условіяхъ дѣло сильно страдало во всѣхъ отношеніяхъ. У меня наконецъ не было помощника, котораго я имѣлъ право получить въ одномъ изъ трехъ казаковъ, состоявшихъ при экспедиціи, и слѣдовательно вся работа проходила исключительно чрезъ мои руки. Собираніе растений и насѣкомыхъ, минераловъ и образцовъ почвы, перекладка растений въ новую бумагу, просушка старой, наклейка нумеровъ, укладка образцовъ въ ящики, стрѣльба птицъ и приготовленіе изъ нихъ чучелъ. просушка ихъ предъ окончательной упаковкой,—все это для одного, если и не особенно трудно, во всякомъ случаѣ беретъ много времени, и я не успѣвалъ справляться съ нако-

плавшимся матеріаломъ: — приходилось все дѣлать кой-какъ. Растенія, ежедневно поступавшія въ гербарій, не успѣвали просыхать и гнили; многія убитыя животныя возились иногда по два, по три дня за недостаткомъ времени, чтобъ снять съ нихъ кожу, начинали, разумѣется, разлагаться и выбрасывались. Вслѣдствіе этого число предметовъ моихъ коллекцій гораздо менѣе, чѣмъ могло быть при иныхъ, а не такихъ неслыханныхъ порядкахъ. По причинѣ неимѣнія переводчика тѣ свѣдѣнія, которыя пріобрѣтають путемъ разспроса и бесѣдъ съ туземцами, были для меня недоступны, хотя времени для собиранія ихъ у меня было много, такъ какъ эти свѣдѣнія пріобрѣтаются по преимуществу въ городахъ, гдѣ я при продолжительныхъ остановкахъ былъ свободенъ. По неимѣнію же переводчика я одинъ не могъ дѣлать отдаленныхъ загородныхъ экскурсій, такъ какъ очень полагаться на суевѣрное китайское населеніе, несмотря на его кажущуюся любезность, было бы неблагоразумно. По той же причинѣ оказалась невозможною и моя медицинская практика между туземцами. Отправляясь въ путешествіе, я взялъ съ собою большой запасъ наиболѣе дѣйствительныхъ лѣкарствъ, наборъ хирургическихъ инструментовъ и запасъ перевязочныхъ матеріаловъ, но лѣкарства почти цѣликомъ возвратились въ Россію, инструменты почти не вынимались, и все это было тѣмъ досаднѣе, что практика оказалась невозможною не вслѣдствіе нежеланія туземцевъ обращаться къ врачу-иностранцу, или недовѣрія и враждебнаго отношенія ихъ ко мнѣ, а отъ недостатка времени или невозможности говорить.

Мѣстное населеніе, вопреки показанію нѣкоторыхъ путешественниковъ, стекалось цѣлыми толпами, какъ только

узнавало, что между прїѣхавшими иностранцами былъ врачъ, ко мнѣ приводили и даже приносили больныхъ и просили излѣчить ихъ. Однажды мы стояли у берега, близъ большаго торговаго селенія (Лао-Хо-Коу). Скоро разнеслась вѣсть о прїѣздѣ доктора и желавшихъ получить со-вѣтъ и лѣкарства собралось на берегу такъ много, они стремились къ лодкѣ, на которой я находился, такъ неудержимо, такъ лѣзли даже въ самую лодку, что пришлось запретить пускать ихъ къ себѣ по нѣсколькѣ заразъ: тогда родственники сажали своихъ больныхъ въ лодки и подплывали въ нихъ съ другаго бока, со стороны рѣки. Въ тонѣ ихъ просьбъ, въ выраженіи лицъ была такая правда, такая искренность, что я смѣло могу сулить обширную практическую дѣятельность всякому врачу, имѣющему намѣреніе отправиться въ Китай, если только онъ самъ пожелаетъ и въ состояніи будетъ практиковать. Но не умѣя говорить съ своими пациентами, нельзя ихъ лѣчить; и мнѣ дѣйствительно пришлось отказаться отъ практики; пришлось даже скрывать свое званіе, потому что отсылать отъ себя больныхъ, не подавъ никакой помощи, очень тяжело, особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда болѣзнь была очевидна, когда даже не требовалось никакого разспроса, а нужно было только передать наставленіе относительно употребленія лѣкарства. Вся моя практическая дѣятельность ограничилась поэтому лишь нѣсколькими десятками совѣтовъ, да немногими операціями. Въ Хань-Коу, въ итальянскомъ пріютѣ для слѣпыхъ и сиротъ, я произвелъ извлеченіе катаракты одной китаянки 52 лѣтъ *). Операція прошла вполнѣ удачно, но резуль-

*) Четыре другихъ операціи извлеченія катаракты сдѣланы въ Сибири: одна въ Омскѣ, матери доктора К., одна въ Красноярскѣ, мате-

татъ былъ неудовлетворительный, потому что за оперированной никакъ не могли усмотрѣть, чтобъ она не снимала повязку когда это было строго запрещено и не пробовала глядѣть въ окно, которое она сама открыла:—таково было ея нетерпѣніе скорѣе видѣть и таково непослушаніе. Въ Хань-Коу же была сдѣлана операція удаленія со лба жировой опухоли съ куриное яйцо величиною. Въ городѣ Хань-Чжунъ-Фу, вскрытъ большой глубокой абсцессъ на бедрѣ у мальчика 12 лѣтъ, племянника мѣстнаго врача, который долго лѣчилъ его самъ и съ помощью другихъ врачей въ теченіе мѣсяца, но безуспѣшно; да и не мудро, потому что они употребляли главнымъ образомъ внутренніа средства. Оба оперированные мною скоро выздоровѣли.

Еще пришлось оперировать въ дорогѣ и прямо на дорогѣ, при слѣдующей обстановкѣ: подѣвзая къ городу Пэй-Фэй-Сянь, я по обыкновенію отсталъ отъ остальной компаніи и ѣхалъ въ сопровожденіи нѣсколькихъ китайскихъ солдатъ, конвойныхъ, которымъ обыкновенно раздавалъ свои вещи, необходимыя во время занятій въ дорогѣ. У одного находился между прочимъ и мой карманный наборъ хирургическихкихъ инструментовъ. На берегу небольшой рѣчки Та-Хэ, черезъ которую мнѣ предстояло переправляться, изъ толпы собравшихся любопытныхъ ко мнѣ подошли нѣсколько мужчинъ и одна женщина съ обвязанной рукой, которую она поддерживала другою; женщина стала на колѣна и молча кланялась въ землю. Не трудно было угадать въ чемъ состояла ея просьба; я удивлялся только тому, какъ

ри доктора П., и двѣ въ Семипалатинскѣ, въ городской бѣлицѣ, женщинѣ (имя затеряно) и чиновнику А. въ присутствіи губернатора В. А. П. Всѣ, какъ меня увѣдомили, увѣчались хорошимъ успѣхомъ.

туземцы узнавали обо мнѣ... Видя, что переводчикъ умышленно не даетъ мнѣ, я началъ учиться по словарю китайскому языку, и въ то время, когда это случилось, я уже могъ нѣсколько объясниться по китайски. Сойдя съ лошади, я осмотрѣлъ руку. Ручная кисть и почти все предплечье были поражены сильнымъ воспаленіемъ подкожной клетчатки и зыбленіе собравшагося гноя было ясное. Оказать помощь было легко, но тутъ я узнаю, что конвойный, у котораго были инструменты, ушелъ впередъ. Онъ былъ далеко, послать за нимъ и ожидать было нельзя, потому что нужно было засвѣтло добраться до ночлега. Поневоля приходилось отказаться, но жестокія страданія больной, ея новья просьбы со слезами и повторявшіеся земные поклоны заставили меня уступить, и я рѣшился произвести операцію перочиннымъ ножомъ, который былъ хотя и не вполнѣ удобенъ, но достаточно остеръ. Велѣвъ принести воды, промасленной бумаги, всегда имѣющейся въ Китай, и чистыхъ тряпокъ, что было вскорѣ доставлено, и объяснилъ въ чемъ состоятъ болѣзнь и что я намѣренъ сдѣлать; больная и мужъ ея согласились. Я сдѣлалъ два большихъ разрѣза, промылъ раны и, остановивъ кровотеченіе, перевязалъ руку, положилъ согрѣвающій компрессъ и велѣлъ повторять его. Больная тотчасъ почувствовала облегченіе къ удивленію китайцевъ, непривыкшихъ къ подобному лѣченію.

Въ городѣ Лань-Чжоу-Фу я сдѣлалъ попытку вынуть пулю, засѣвшую въ верхней части большой берцовой кости одного солдата, раненаго нѣсколько лѣтъ назадъ; но по разрѣзѣ кожи я увидѣлъ, что извлеченіе безъ резекціи кости не удастся, дѣлать же резекцію безъ сколько-нибудь подготовленнаго помощника я не рѣшился, тѣмъ

болѣе, что и оперировать пришлось бы безъ хлороформа, потому что весь имѣвшійся у меня въ запасѣ улетучился, такъ какъ это было черезъ полтора года по отъѣздѣ изъ Петербурга.

Вотъ почти и вся моя хирургическая практика между туземцами, если не упоминать о вскрытіяхъ небольшихъ нарывовъ и извлеченіи нѣкоторыхъ инородныхъ тѣлъ. Не велика была, какъ я сказалъ, и терапевтическая, требующая еще большихъ удобствъ...

Да! Дай Богъ, чтобы никогда болѣе русскій врачъ не приходился въ подобныхъ условіяхъ, и чтобы никогда „капитаны Сосновскіе“ не стояли во главѣ ученыхъ экспедицій. На ихъ долю пусть ужь остаются „высшія государственныя заданія“, въ родѣ „торговыхъ сдѣлокъ“, въ которыхъ, по выраженію самого же Сосновскаго, „трудно искать патриотической подкладки“, потому что въ нихъ „каждый преслѣдуетъ прежде всего свои личныя цѣли.“

Рожденіе и дѣтство китайцевъ.

Наблюдая образъ жизни даннаго народа, можно составить себѣ приблизительное понятіе о томъ уровнѣ, какого достигла у него медицина, потому что добытыя ею свѣдѣнія скорѣе всѣхъ другихъ проникаютъ въ жизнь. Чѣмъ дальше подвинулась наука вообще, тѣмъ больше и многостороннѣе успѣла медицина въ дѣлѣ изученія причинъ производящихъ болѣзни и тѣмъ съ большею пользою научаетъ она людей такъ устранивать свою жизнь, чтобъ избѣгать этихъ вредныхъ дѣйтелей. Бросивъ взглядъ на частную и общественную жизнь китайцевъ, мы увидимъ какое участіе принимаетъ въ ней медицинская наука, т.-е. насколько она учитъ человѣка разумному взгляду на дѣло, насколько оберегаетъ его отъ вредныхъ вліяній, которымъ онъ по невѣдѣнію подвергается, и какъ лѣчитъ отъ болѣзней уже развившихся.

Итакъ, прослѣдимъ жизнь китайца, и начнемъ съ *рожденія ребенка*. Присутствовать при родахъ и видѣть оказываемую при этомъ помощь мнѣ, разумѣется, не удалось, потому что это для иностранца въ Китаѣ немыслимо, да даже и для не иностранца, ибо тамъ акушерская практика находится исключительно въ рукахъ женщинъ; туземные врачи, если и приглашаются къ роженицамъ, то не видятъ ихъ. Судя по собраннымъ мною свѣдѣніямъ, китайскіи

акушерки ничѣмъ не отличаются отъ нашихъ деревенскихъ бабъ-повитухъ, которыя Богъ-знаетъ почему и какъ дѣлаются повивальными бабками, начинаютъ практиковать, приобрятаютъ довѣріе и извѣстность; о свѣдѣніяхъ же и о томъ, гдѣ приобрятены они, вы ихъ не спрашивайте. Простой опытъ, навыкъ, извѣстная степень ловкости, употребленіе нѣкоторыхъ лѣкарствъ по преданію или собственному вдохновенію и совершенно безконтрольно, наконецъ соблюденіе разнаго рода предразсудковъ, вотъ вся школа и всѣ знанія нашей деревенской повитухи. Таковы, говорю, и китайскія акушерки. Хотя въ китайской медицинской литературѣ имѣется сочиненіе объ акушерствѣ *), но такъ какъ женщины тамъ остаются безграмотными, то едва ли оно читалось кѣмъ либо изъ нихъ.

Акушерка, отправляясь на практику, беретъ съ собою разныя вещи и между прочимъ варенныя яйца, окрашенныя въ разныя цвѣта: одни употребляются для сокращенія родовыхъ болей роженицы, другія, она раздаетъ тѣмъ изъ присутствующихъ женщинъ, у которыхъ не родятся дѣти, т.-е. какъ средство имѣть ихъ. Помощь при самыхъ родахъ большею частью пассивная, за исключеніемъ перевязыванія сосудовъ соединяющихъ ребенка съ матерью. Явившійся на свѣтъ ребенокъ получаетъ первую ванну только на третій день послѣ рожденія, причемъ его моютъ сначала водой, въ которой варились полынь, стружки акаціи, перецъ и проч.; затѣмъ его моютъ въ чистой водѣ, которую онъ „долженъ почитать за самый важный предметъ въ мірѣ“. (У китайцевъ замѣчается родъ поэтическаго обожанія

*) Книга „Наставленіе беременнымъ и родильницамъ“, сочиненіе Ни, имѣется почти въ каждомъ порядочномъ домѣ. Она много разъ переиздавалась иногда благотворительными людьми на свой счетъ и раздавалась даромъ, что не дурно бы перенять и намъ.

чистой воды, воспѣваемой ими въ стихахъ,—нѣчто въ родѣ поклоненія ей). Третье омовеніе производится водою, въ которую бросаютъ мѣдныя монеты или серебро, смотря по состоянію, а также каштаны и финики, для того чтобъ новорожденный былъ богатъ и жизнь его протекла пріятно. Послѣ ваннъ на животикъ наклеивается большой пластырь изъ смолы съ полынью для предупрежденія болѣзней живота: но пластырь этотъ должно быть плохо достигаетъ цѣли, ибо пупочныя и паховыя грыжи встрѣчаются у дѣтей довольно часто. Для укрѣпленія здоровья вообще и прибавленія силы ребенка натираютъ яичнымъ бѣлкомъ!

Потомъ акушерка переноситъ свои пощечія на будущія нравственныя качества гражданина. Она беретъ замокъ и прикладываетъ его ко рту новорожденнаго, причемъ сама произноситъ разныя пѣжныя слова; это дѣлается для того, чтобъ предохранить его отъ злословія и лжи: потомъ замокъ прикладываетъ къ рукамъ для предохраненія его отъ воровства; къ ногамъ, чтобъ не ходилъ куда не слѣдуетъ, и къ сердцу, чтобъ уберечь его отъ безчестія и несправедливости. Велѣдъ за этимъ ребенка сѣкутъ легонько лукомъ, чтобъ былъ уменъ,—предразсудокъ, какъ и многіе другіе у китайцевъ, основанный лишь на одномъ созвучіи словъ: цунъ — лукъ, и цунъ — умный, способный.

Не менѣе полезныя и дѣйствительныя мѣры принимаются акушеркой въ предохраненіе отъ заболѣванія оспою, для чего она кладетъ на тѣло ребенка сдѣланный изъ бумаги цвѣтокъ граната! Противъ могущихъ быть конвульсій сжигаетъ на головкѣ моксу. Отъ одной „заразительной болѣзни, выражающейся между прочимъ язвами во рту“, обтираютъ десна кускомъ спней ткани, обмакнутой въ одну или въ воду, которыми мыли ребенка. Желая уберечь ребенка отъ паденій и ушибовъ, его кладутъ на нѣкоторое время

на полъ подъ прямымъ угломъ къ кровати. Наконецъ стучаютъ нѣсколько разъ его головкою въ животъ матери, чтобъ послѣдняя не хворала послѣ родовъ.

Этими мѣрами роль акушерки оканчивается; она получаетъ вознагражденіе и удаляется. Правильные роды проходятъ, конечно, благопріятно сами по себѣ; при неправильныхъ же, затрудненныхъ и невозможныхъ родахъ женщины и дѣти остаются безъ помощи и многія погибаютъ.

Люди богатые нанимаютъ для ребенка кормилицу; бѣдные кормятъ сами и кормленіе грудью продолжается до 3—4 лѣтъ, а иногда и болѣе, такъ что я не разъ видѣлъ дѣтей, бѣгавшихъ съ своими сверстниками и на время бросающихъ игру, чтобъ пососать свою мамашу.

Хотя про китайцевъ идетъ дурная слава,—и говорятъ справедливая,—что они *убиваютъ своихъ дѣтей*, тѣмъ не менѣе нельзя не замѣтить, что они большею частію нѣжные и заботливые родители; что они любятъ своихъ дѣтей, особенно сыновей, и желаютъ ихъ имѣть, такъ какъ умереть, не оставивъ по себѣ потомства, считается у китайцевъ большимъ несчастіемъ. Поэтому люди бездѣтные обыкновенно усыновляютъ чужихъ мальчиковъ. Спросить при первомъ знакомствѣ о здоровьѣ старшаго сына, не справляясь о томъ—есть онъ или нѣтъ, считается въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ одною изъ учтивостей. Фактъ дѣтоубійства въ Китаѣ действительно существуетъ, въ чемъ я убѣдился и личными распросами; кромѣ того это доказывается общеродованными государственными актами, направленными къ прекращенію этого злодѣянія. Но очень ошибаются тѣ, кто считаетъ дѣтоубійство въ Китаѣ явленіемъ, чуждымъ сказать, нормальнымъ и обычнымъ. Оно и тамъ является исключеніемъ, противнымъ природѣ человѣка, считается преступнымъ и, если совершается, то не иначе какъ подъ вліяніемъ

крайней бѣдности или въ тѣхъ случаяхъ, когда въ бѣдной семьѣ рождаются исключительно дѣвочки, и то, разумѣется, не во всякой такой семьѣ. У лодочника, наприкладъ, въ лодкѣ котораго и ѣхалъ, было семь человекъ дѣтей и только одинъ сынъ, самый младшій. Если дѣтоубійство и совершается въ Китаѣ легче, чѣмъ въ другихъ странахъ (что еще не доказано), то это, можетъ быть, зависитъ отъ особеннаго воззрѣнія, по которому душа человека до 8 лѣтъ несовершенна. Убиваются исключительно дѣвочки, потому что женщины считаются въ Китаѣ вообще существами низшими и не пользуются особымъ уваженіемъ родителей за то, что не служатъ къ продолженію рода отца, а переходятъ въ чужую семью, что онѣ плохія помощницы отцу въ его работахъ и добываніи средствъ.

Закономъ дѣтоубійство отнюдь не дозволяется, какъ нѣкоторые продолжаютъ думать и до сихъ поръ: напротивъ правительствомъ неоднократно принимались мѣры къ прекращенію его. Напримѣръ въ Пекинской газетѣ за 1866 годъ, въ номерѣ отъ 27-го марта, былъ помѣщенъ императорскій указъ, изъ котораго можно видѣть, какъ оно относится къ убійству дѣтей.

„Цензоръ *) Ли-Ши, говоритъ въ немъ, представилъ намъ докладъ относительно продолжающаго существовать въ нашей странѣ преступленія—убиванія дѣтей женскаго пола, и относительно строгихъ мѣръ къ прекращенію его. Злодѣяніе утопленія дѣвочекъ стало существовать со времени царствованія императора Цянь-Лунъ и тогда же былъ изданъ законъ, которымъ повелѣвалось „считать это преступленіе подобнымъ убійству сыновей и внуковъ“ и

*) Или блюститель нравственности—особая государственная должность.

запрещалось самымъ строгимъ образомъ. Ли-Ши докладываетъ намъ, что этотъ обычай существуетъ по преимуществу въ провинціяхъ: Гуань-Дунъ, Фу-Цзянь, Чже-Цзянь и Шань-Си, прибавляя впрочемъ, что и другія провинціи не свободны отъ него. Дѣтоубійство есть дѣйствіе, которое нарушаетъ гармонію неба и земли и если не подавить его самыми строгими мѣрами, то какъ уничтожить этотъ отвратительный обычай и спасти жизнь многихъ человѣческихъ существъ? Ли-Ши предложилъ намъ обнародовать указъ съ самыми строгими запрещеніями дѣтоубійства и мѣрами наказанія, ожидающими виновныхъ, а также устроить дѣтскіе пріюты и воспитательные дома“.

Изъ этого видно, что мѣры строгости не достигали цѣли и что китайцы начинаютъ убѣждаться въ наибольшей дѣйствительности послѣдней мѣры, такъ какъ они убѣдились, что въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ существуютъ дѣтскіе пріюты, устроенные различными миссіонерами, дѣтей приносятъ туда или подкидываютъ, но уже не убиваютъ.

Но будемъ слѣдить далѣе за жизнью ребенка. Пищей его по отнятій его отъ груди дѣлается то же, что ѣдятъ взрослые, и мы поговоримъ о ней въ другомъ мѣстѣ. Одежда дѣтей различна, смотря по времени года и климату данной мѣстности. Лѣтомъ очень многіе ходятъ если не въ костюмъ праотца Адама, то только потому, что имѣютъ на ногахъ башмаки или иногда защищаютъ отъ солнца голову соломенной шляпой съ широкими полями.

Зимой же, выражающейся въ Среднемъ Китаѣ морозами въ 2—3° R., дѣтей одѣваютъ въ ватное платье, иногда такое толстое, что ребенокъ дѣлается въ немъ почти неподвижнымъ, какъ въ какомъ-нибудь футлярѣ. Купать дѣтей не въ обычаѣ, впрочемъ лѣтомъ они залѣзаютъ въ воду и брызгаются, но не моются. Волосы на головѣ брѣютъ оди-

наково мальчикамъ и дѣвочкамъ, начиная со втораго мѣсяца жизни и продолжаютъ дѣть до пяти, шести; потомъ дѣвочекъ перестаютъ брить, а мальчикамъ брѣютъ только переднюю часть головы, оставляя на затылкѣ косу.

Дѣть до семи, дѣти обоого пола остаются свободными, а съ этого возраста мальчики садятся на школьную скамью, или начинаютъ помогать отцу въ работахъ, а дѣвочки, хотя и не поступаютъ въ школу, но ограничиваютъ свою свободу и движения тѣмъ, что начинаютъ бинтовать себѣ ноги съ цѣлью достигнуть условнаго, освященнаго вѣками, атрибута женской красоты — *миниатюрныхъ ножекъ*. Это отнимаетъ у нихъ въ значительной мѣрѣ возможность бѣгать, или даже свободно ходить, смотря по степени приложеннаго усердія, а это находится въ зависимости отъ состоянія: чѣмъ богаче или важнѣе родители дѣвочки, тѣмъ болѣе занимаются ея ножками, тѣмъ труднѣе ей ходить, и на оборотъ.

Остановимся на этомъ характерномъ для Китая обычаѣ и поговоримъ о немъ подробнѣе.

105238

Наши свѣдѣнія, какъ относительно производимаго съ ногой измѣненія, такъ и средствъ, какими оно достигается, были не совсѣмъ вѣрны. Многіе думали, и продолжаютъ думать до сихъ поръ, что ноги женщинъ въ Китаѣ остаются маленькими вслѣдствіе того, что недоразвиваются и сохраняютъ при этомъ нормальную форму. Это невѣрно: ноги китайскогъ останавливаются въ ростѣ весьма немного, но рѣзко измѣняются въ формѣ, а именно: стопа согнута такъ, что пятка сблизена съ пальцами, вслѣдствіе чего на подошвѣ образовалась глубокая складка, а тылъ стопы принялъ почти отвѣсное направленіе, составляя какъ бы продолженіе голени. Кромѣ того четыре меньшихъ пальца вмѣстѣ съ наружнымъ краемъ стопы подогнуты къ подошвѣ

1004415

Вологодская областная библиотека
им. К. Е. Бабушкина

ВОЛОГОДСКАЯ
ОБЛАСТНАЯ
БИБЛИОТЕКА

такъ, что стопа оканчивается однимъ большимъ пальцемъ, который дѣлается изъ округленнаго приостреннымъ.

Достигается такой результатъ постепенно, года въ два, въ три, или болѣе, и ни къ какому зашиванію ноги во что-либо никогда не прибѣгаютъ, а употребляютъ простой бинтъ пальца въ три ширины и въ 2 — 3 аршинна длины, и имъ постоянно увиваютъ ногу. Бинтъ дѣлаетъ сначала вертикальные ходы, начиная съ пальцевъ, причемъ четыре послѣднихъ понемногу подгибаются къ подошвѣ; потомъ дѣлаютъ нѣсколько горизонтальныхъ туровъ, которыми пятка сближается нѣсколько съ пальцами. Разъ начатое такое бинтованіе продолжается всю жизнь до смерти, потому что нога, предоставленная самой себѣ, быстро проявляетъ стремленіе принять нормальную форму. Каждая китаянка, *) отъ дѣвочки до дряхлой старухи, отъ аристократки до нищій, предаются этой части туалета: ежедневно поутру нога разбинтовывается и повязка возобновляется, такъ какъ болѣе сутокъ она не можетъ держаться на ногѣ достаточно туго. Спятъ женщины всегда обутыми.

Замѣчательно, что уродство это нисколько не передается наследственно: у мужчинъ ноги совершенно правильно развиты, и дѣвочкамъ всѣмъ приходится повторять надъ своими ножками операцію своихъ прабабушекъ. Имъ бинтуютъ ноги сначала взрослые, потомъ онѣ скоро выучиваются этому сами.

Многіе думаютъ, что уродованіе ноги сопряжено съ большимъ страданіемъ, но я много разъ наблюдалъ надъ этимъ

*) Только въ провинціи Гуань-Дунъ, вслѣдствіе синопскаго вліянія, обычай уродованія ногъ все болѣе и болѣе вымираетъ, и кантонскія ноги можно тотчасъ узнать по „большимъ“, т. е. нормальнымъ ногамъ.

занятіемъ въ дѣтскихъ миссіонерскихъ приютахъ и иногда не замѣчалъ, чтобъ дѣвочка выражала при этомъ ощущеніе боли или неудовольствіе. И дѣлается это отнюдь не какъ насиліе: мнѣ рассказывали, напротивъ, что дѣвочки сами просятъ скорѣе начинать бинтованіе, какъ у насъ.— поскорѣе проколоть уши, чтобы вдѣть серьги.

Если теперь мы взглянемъ на ботинку женщины, болѣе или менѣе богатой,—ботинку, имѣющую нерѣдко всего вершокъ или полтора длины, намъ невольно явится мысль о малости той ноги, на которую она можетъ быть надѣта; а если смотрѣть издали на обутую женщину, обладательницу такихъ крошечныхъ ножекъ, то кажется, что она стоитъ на ампутированныхъ голеняхъ. Но если вы увидите разутыя ноги, онѣ вовсе не поразятъ васъ такою малостью. Оказывается, что крайняя малость ногъ только кажущаяся, что она есть до извѣстной степени обманъ, достигаемый извѣстной манерой обуться и устройствомъ самыхъ ботинокъ: ботинка надвигается только на переднюю часть стопы, до пятки, а послѣдняя, туго прибинтованная, помѣщается тотчасъ за каблукомъ, представляя какъ бы непрерывное продолженіе голени. Ботинка имѣетъ наружный каблукъ, а иногда и внутренний. Такимъ образомъ обутая нога находится въ положеніи отчасти подобномъ тому, къ какое приводитъ свою ногу балетная актриса, ставовясь на одинъ носокъ.

При подобныхъ условіяхъ не только ходить, но и стоять неудобно; и дѣйствительно, женщины богатые, щеголихи, почти лишаютъ себя возможности двигаться. что, впрочемъ, при ихъ сидячемъ образѣ жизни, мало чувствуется ими. Тѣ же, которые принуждены работать и должны ходить поневолѣ, уродуютъ свои ноги въ гораздо меньшей степени и носятъ обувь больныхъ размѣровъ,—двухъ и да-

же трехъ вершковъ. Понятно, что походка женщинъ болѣе или менѣе измѣнена; она напоминаетъ движенія подвязавшаго себѣ коньки, но еще не добравшагося до льду; и недостаточную устойчивость своего положенія женщины вознаграждаютъ соотвѣтственными движеніями рукъ, употребляемыхъ ими, какъ балансъ. По ровному мѣсту китянки еще могутъ ходить безъ особеннаго затрудненія, но въ горахъ ихъ движеніе сопряжено съ большими неудобствами, и тамъ мнѣ не разъ случалось видѣть женщинъ, взбиравшихся по тропинкамъ даже на четверенькахъ,—на колѣнахъ и рукахъ. Описываемое уродованіе ногъ, конечно, оказываетъ вліяніе и на общее состояніе тѣла. насколько имъ ограничивается движеніе; на самыхъ же ногахъ, подъ вліяніемъ плохо или слишкомъ туго накладываемой повязки, образуются иногда язвы, а въ рѣдкихъ случаяхъ и омертвленіе (антоновъ огонь).

Было бы весьма интересно узнать, когда и какъ вошелъ въ моду этотъ странный обычай, но это едва ли возможно, потому что начало его относится, какъ говорятъ, къ эпохѣ, задолго предшествовавшей сожженію китайскихъ книгъ однимъ императоромъ изъ дома Цинъ за 300 лѣтъ до Р. Х.; по преданію же до нашего времени дошелъ рассказъ, будто бы одна императрица, жившая за 1100 лѣтъ до Р. Х., имѣла отъ рожденія искривленную ногу и пожелала, чтобы всѣ женщины въ ея государствѣ имѣли такія же, что подданныя ея и стали приводить въ исполненіе *). Говорятъ также, что

*) Маньчжуры, представляющія господствующую народность, какъ побѣдители, во всемъ слились съ китайцами, но не переняли только этого обычая и дѣлали даже попытки къ уничтоженію его у китайцевъ, но безуспѣшно.

китайцы нашли въ уродованіи ногъ женщинъ средственно по мѣшати побѣгамъ своихъ женъ.

До замужества дѣвушка остается дома почти не выходя за предѣлы своего, большею частію тѣснаго, двора, часто грязнаго и почти не освѣщаемаго солнцемъ. Она занимается рукодѣльемъ, помогаетъ въ домашнемъ хозяйствѣ, нянчить своихъ маленькихъ братьевъ и сестеръ и т. п.; въ общественной же жизни не только не принимаетъ никакого участія, но даже не показывается на улицѣ и не смѣетъ появиться въ семьѣ въ присутствіи гостя, что не могло не отразиться на ея умственной сферѣ. Образование для нея почти недоступно. Впрочемъ въ этомъ отношеніи женщина едва ли много теряетъ, потому что образованіе въ Китаѣ самое уродливое: школа, напримѣръ, въ восемь лѣтъ скучнаго утомительнаго труда даетъ лишь умѣнье читать и писать приблизительно тысячу словъ. Она теряетъ только въ томъ отношеніи, что лишается общества своихъ сверстницъ и игръ, доступныхъ для мальчиковъ, хотя мнѣ случилось видѣть дѣвочекъ играющихъ вмѣстѣ съ мальчиками.

При бѣгломъ взглядѣ дѣти въ общемъ имѣютъ довольно здоровый видъ, и мальчики здоровѣе дѣвочекъ. Много ли умираетъ дѣтей, путешественнику узнать, разумется, нельзя, какъ нельзя добыть при движеніи никакихъ другихъ собственныхъ статистическихъ данныхъ.

Наиболѣе частыя *болѣзни* въ дѣтскомъ возрастѣ суть: оспа, ежегодно уносящая многихъ, на многихъ оставляющая извѣстные слѣды; дифтеритъ, судя по рассказамъ; затѣмъ чесотка и favus. Англійская болѣзнь, судя по отчетамъ ан-

*) Эти игры отчасти тѣ же, что и у насъ, — мячъ, бумажные змѣи, водчки, бабки, бѣганье и проч.

гліійскихъ врачей, живущихъ въ открытыхъ портахъ, а также и по моимъ наблюденіямъ внутри страны, встрѣчается рѣдко. Извѣстны коклюшъ, дизентерія, корь, сифилисъ (последній въ гораздо бѣльшихъ размѣрахъ въ приморскихъ городахъ), пома *) и другія. Изъ врожденныхъ недостатковъ наиболѣе частый есть заячья губа. Встрѣчаются также случаи альбинизма.

*) Такъ-называемый „водяной ракъ“ (омертвѣніе щеки).

Внѣшній бытъ и санитарныя условія.

Перейдемъ теперь къ образу жизни взрослыхъ людей,— ихъ жилищамъ, пищѣ, одеждѣ, занятіямъ и проч. Города Китая чрезвычайно похожи другъ на друга: все обнесено стѣною, все болѣе или менѣе тѣсно построены; воздухъ наполненъ испареніями отъ нечистотъ, дымомъ отъ кухонныхъ печей и пылью. Фабрикъ, заводовъ или большихъ мастерскихъ нѣтъ.

Отдѣльныя жилища частныхъ людей, разумѣется, представляютъ различія въ зависимости отъ состоянія домовладѣльцевъ, но въ общихъ чертахъ все они, отъ императорскихъ дворцовъ *) до сколько нибудь благоустроеннаго дома ремесленника и земледѣльца, въ общихъ чертахъ похожи другъ на друга. Домовъ, какіе мы привыкли называть большими, въ Китаѣ нѣтъ ни одного; дворцы князей и дома богатыхъ людей состоятъ только изъ многихъ небольшихъ зданій, почти одинаковыхъ по устройству, и расположенныхъ по отдѣльнымъ многочисленнымъ дворамъ. Каждый домъ съ принадлежащей къ нему землею непрерывно обно-

*) Дворецъ Богдохана въ Пекинѣ недоступенъ для иностранцевъ, но можно видѣть загородные дворцы въ лѣтнихъ паркахъ, которые и были осмотрѣны мною. Они были разорены англо-французской арміей въ 1860 году и теперь императорами не посѣщаются.

сится каменной или глиняной стѣной; каждый дворъ отдѣленъ отъ другаго, хотя и принадлежащаго тому же владѣльцу, подобными же стѣнами и къ послѣднимъ изнутри прислонены жилыя помѣщенія.

Устроены они такъ: ихъ задней стѣной служитъ одна изъ упомянутыхъ выше стѣпъ, окружающихъ дворы; она всегда глухая или имѣетъ вверху маленькія отверстія; двѣ боковыя—также каменные и также глухія; четвертая или лицевая, обращенная внутрь двора, представляетъ деревянную переборку въ родѣ ширмъ, рѣзныхъ или рѣшетчатыхъ, оклеенныхъ съ внутренней стороны тонкой полупрозрачной бумагой, пропускающей мало свѣта и плохо проводящей наружное тепло. Въ этой стѣнѣ находятся окна и двери, въ жаркіе дни обыкновенно закрываемыя. Стекло въ Китаѣ составляетъ рѣдкость и является только въ домахъ богатыхъ, и то рѣдко вставляется во всё окна, а только въ нижнюю или среднюю часть. Поэтому во время дожди бумага часто пробивается и окна оказываются раскрытыми. Полы въ домахъ рѣдко бываютъ деревянные, большею же частью кирпичные, или же ихъ не бываетъ вовсе и поломъ служитъ почва. Потолки также не составляютъ непремѣннаго условія въ китайскомъ домѣ: они бываютъ деревянные, или ихъ дѣлаютъ изъ промасленной бумаги, наклеенной на тонкую бамбуковую рѣшетку. Если потолка нѣтъ, его замѣняетъ сама крыша, которая состоитъ изъ деревяннаго остова, одѣтаго снаружи черепицей, и при сильномъ дождѣ вода нерѣдко проходитъ въ комнаты чрезъ остяющіеся скважины. Комнаты чаще отдѣляются одна отъ другой легкими перегородками, деревянными, или оклеенными бумагой, а не капитальными стѣнами.

Итакъ, вотъ типъ дома. Вслѣдствіе описанныхъ особенностей постройки, китайскіе дома мало освѣщены, въ

лѣтнее время прохладны, но сыры, и сырость особенно сильна при земляныхъ полахъ, т.-е. при отсутствіи половъ, и если на такомъ полу циновка пролежитъ недѣлю на одномъ мѣстѣ, подъ нею вырастаютъ цѣлыя поля плесени; желѣзныя вещи покрываются сплошной ржавчиной. Описанныя свойства домовъ какъ нельзя болѣе пріятны паукамъ, скорпіонамъ, сороконожкамъ, сверчкамъ и другимъ насѣкомымъ, которыя забираются въ нихъ и сожительство которыхъ для европейца, по крайней мѣрѣ на первыхъ порахъ, весьма непріятно,—за то мухъ въ Китаѣ почти нѣтъ. Но не только для насѣкомыхъ домъ китайца служитъ пріютомъ — въ немъ обитаютъ и млекопитающіе — мыши и крысы, и пернатые,—какъ ласточки, воробьи и голуби. Множество крысъ, которыхъ не истребляютъ и не ловятъ, можетъ служить достаточнымъ доказательствомъ, что они не составляютъ обычной пищи китайцевъ; по крайней мѣрѣ въ посѣщенныхъ мною мѣстностяхъ ихъ не видятъ нигдѣ.

За неключеніемъ ненастныхъ дней и холодной, или слишкомъ жаркой, погоды, окна и двери домовъ остаются постоянно открытыми, и дома гораздо болѣе похожи на прочно построенныя бесѣдки. Днемъ люди сидятъ въ нихъ рѣдко: птицы спокойно влетаютъ въ комнаты и нѣкоторыя изъ нихъ, выбравъ уголокъ, свиваютъ себѣ гнѣзда и выводятъ дѣтей. Тогда если окна и двери окажутся закрытыми, заботливые пернатые родители не останавливаются передъ препятствіемъ, состоящимъ изъ тонкой бумаги, легко пробиваются ея на лету и являются въ свое гнѣздо, не обращая ни малѣйшаго вниманія на находящихся въ комнатѣ точно такъ людей, какъ послѣднимъ нѣтъ дѣла до нихъ.

Меблировка комнатъ въ главныхъ чертахъ похожа на европейскую, только такъ-называемый *кань* представляетъ особенность, свойственную почти каждой жилой комнатѣ кп-

тайскаго дома. Канъ можно назвать лежанкой, какія еще и теперь иногда встрѣчаются въ русскихъ домахъ, но у насъ онѣ представляютъ часть печп, выступъ ея, китайскій же канъ есть самъ по себѣ печь, вышиною не болѣе аршина и на столько широкая, что взрослый человекъ можетъ свободно улечься на ней поперегъ. Они имѣютъ двѣ или три топки; дымовыя трубы проводятся въ стѣнѣ, у которой находится канъ, и выводятся въ крышу или подъ нею изъ стѣнъ. Сверху каны покрываютъ циновкамп, войлочкамп, стегаными суконными матами, или коврами. Днемъ они служатъ диваномъ и самымъ почетнымъ мѣстомъ, доступнымъ не для каждаго гостя, а ночью нерѣдко—кроватью, которая въ холодное время года протапливается дровами или каменнымъ углемъ, и бывають иногда настолько горячи, что люди, случается, получаютъ на нихъ ожоги. Эти каны служатъ печами; но я видѣлъ еще иной способъ отапливанья комнатъ, снизу: топка устраивается подъ поломъ (который бываетъ въ такихъ случаяхъ каменный) и согрѣваетъ его. Однако воздухъ въ комнатахъ никогда не бываетъ также тепелъ, какъ въ нашихъ домахъ въ зимнее время, потому что рѣшетчатыя заклеенныя бумагой окна и двери, легкіе потолки и имѣющая много скважинъ крыша не могутъ препятствовать постоянной вентиляціи и, слѣдовательно, постоянному охлажденію внутреннихъ покоевъ.

Дома такой постройки встрѣчаются не только въ южномъ и среднемъ Китаѣ, гдѣ болѣе прочная постройка не необходима, но и въ сѣверномъ, гдѣ бывають, по рассказамъ туземцевъ, холодныя зимы, напримѣръ въ провинціи Гань-Су, гдѣ Желтая рѣка замерзаетъ каждую зиму, несмотря на свое очень быстрое теченіе, какое она имѣетъ въ этомъ мѣстѣ. Но недостатокъ тепла въ домахъ вознаграждается теплою одеждой, которую китайцы носятъ зп-

мою постоянно днем и ночью, на дворѣ и въ домѣ одинаково. Другимъ средствомъ согрѣванія въ холодное время служатъ жаровни. Онѣ состоятъ изъ тазовъ, наполненныхъ горячими угольями, обыкновенно покрытыми колпаками изъ металлической сѣтки. Бѣдные люди жгутъ въ горшкахъ каменный уголь, сѣрнистый газъ отъ котораго наполняютъ комнаты до такой степени, что дыханіе затрудняется и возбуждается кашель. Еще употребляются мѣдныя грѣлки съ горячей водой, подставляемые подъ ноги; а нищія, не имѣющіе домовъ, носятъ съ собою горшки съ горячими угольями и по временамъ отогрѣваютъ свои руки и ноги. Чтобы покончить съ домами, должно еще прибавить, что при открытыхъ дверяхъ, какъ въ лѣтнее время бываетъ почти всегда, существуетъ постоянный токъ воздуха со стороны, неосвѣщенной солнцемъ, и этотъ постоянный сквозной вѣтеръ служитъ причиной частыхъ ревматическихъ заболѣваній, несмотря на большую привычку къ нему туземцевъ.

Находящіеся при домахъ *дворы* и *сады*, болѣе или менѣе обширные, смотря по состоянію, содержатся обыкновенно чище самыхъ домовъ: ихъ обмываетъ дождь и ихъ чаще метутъ, тогда какъ въ домахъ паутина и пыль сметаются кажется разъ или два въ годъ передъ праздниками, напримеръ наканунѣ новаго года.

Помойная яма при домахъ устраиваются самымъ простымъ способомъ: это ямы въ буквальномъ смыслѣ слова, вырытыя въ землѣ и часто ничѣмъ не обложенныя и содержимыя весьма небрежно. Иногда онѣ имѣютъ сточныя трубы, которыя обыкновенно выводятся на улицу, куда также выбрасываются и выливаются изъ домовъ всякія нечистоты, если при домѣ не имѣется ямы; и на это никто не въ претензіи; повидимому всѣ убѣждены, что иначе и быть не можетъ. Такимъ образомъ улицы превращаются въ общественныя латрины.

Не дурень и другой обычай. Если дома стоять на возвышенном мѣстѣ, напримѣръ на крутомъ берегу рѣки, и имѣють балконы, то помойной ямой для всякаго рода нечистотъ служитъ простое отверстіе въ полу этого балкона, несмотря на то, что тутъ же подъ нимъ идетъ тропинка, по которой часто проходятъ люди... По всей вѣроятности въ китайскихъ городахъ не существовали бы подобные обычаи, еслибы нечистоты, выбрасываемыя на улицы, не убирались людьми, какъ полезный матеріаль для удобренія земли, или отчасти не поѣдались собаками и свиньями. Собираціе нечистотъ на улицахъ и въ домахъ составляетъ профессію многихъ бѣдняковъ, существующихъ этимъ занятіемъ. Они сносятъ собранный матеріаль въ недрахъ на базарныя площади или торговыя улицы, выставляютъ на ряду съ зеленью, фруктами и разными съветными припасами и продають земледѣльцамъ для удобренія полей и огородовъ. Путешественникъ можетъ видѣть много забавныхъ сценъ въ городахъ практическихъ и до циннизма натуральныхъ китайцевъ, въ родѣ напримѣръ войны, которую ведутъ упомянутые люди—промышленники съ несчастными голодными собаками за право обладанія вовсе непривлекательными предметами—для однихъ торговли, а для другихъ пропитанія. Благодаря этой борьбѣ за существованіе, въ китайскихъ улицахъ еще существуетъ относительная чистота, но весьма относительная; тамъ есть такія, въ которыхъ буквально спирается дыханіе,—въ такой степени воздухъ наполненъ міазмами.

И едва ли главныя улицы такъ-называемой великой столицы востока — Пекина не превосходятъ въ этомъ отношеніи всѣ другія. Тамъ всѣ улицы, за исключеніемъ одной, немощены и покрыты толстымъ слоемъ разрыхленной въ пыль почвы. Онѣ широки (улицы, но не переулки, кото-

рые узки), по срединѣ имѣютъ возвышеніе для проѣзда телѣгъ,—единственнаго экипажа въ Китаѣ,—всадниковъ и для прохода пѣшихъ; по бокамъ находятся широкія углубленія, которыя во время дождей наполняются водой и представляютъ большія лужи, даже до двухъ футъ глубины. За этими углубленіями, или прудами, если ихъ можно такъ назвать, слѣдуютъ также возвышенные тротуары и затѣмъ окаймляющія улицу здавія, то-есть одноэтажные низенькіе дома съ ихъ неизбѣжными лавками и мастерскими, имѣющимися почти безъ исключенія въ каждомъ домѣ, стоящемъ на большой улицѣ. Эти улицы цѣлый день съ утра до ночи наполнены людьми и животными, въ нихъ также кипитъ жизнь и дѣятельность, какъ внутри дворовъ и домовъ днемъ царитъ тишина и пустота, если женское населеніе не очень велико и не находится въ междоусобной брани. И вотъ для всѣхъ живыхъ существъ, которыя живутъ и проходятъ по главнымъ улицамъ столицы, упомянутыя выше лужи служатъ помойными ямами, куда сливается все, что можетъ быть вылито. Вода въ нихъ не имѣетъ ни движенія, ни стока; она стоитъ, не высыхая, недѣлями и мѣсяцами отъ дождей до дождей, испаряясь и пополняясь постоянно, но пополняясь въ періоды бездождія уже не водой, а всякаго рода жидкостями, ненужными въ хозяйствѣ и въ экономіи организмовъ; при видѣ ея никакъ не приходится на умъ названіе воды,—это какой-то зеленый соусъ, настой, проросшій водорослями и подернутый сверху пузыристою пѣной, матовой и безцвѣтной или отливающей цвѣтами радуги.

Каждый вечеръ на закатѣ солнца главныя улицы столицы поливаются, поливаются вотъ этимъ самымъ зеленымъ соусомъ, который рабочіе берутъ черпаками и расплескиваютъ по среднему возвышенному полотну дороги, на которомъ лежитъ толстый слой тончайшей черной пыли. Вы

догадываетесь, что должно произойти, и не стану распространяться о качествах воздуха послѣ этой поливки; скажу только, что никогда въ анатомическомъ театръ не доставалось моему обонянію въ такой степени, какъ въ Пекинѣ, когда случалось проѣзжать вечеромъ по его главнымъ улицамъ. При такихъ условіяхъ живетъ теперь тамъ бѣдное человѣчество; а было время, когда въ столицѣ существовала, по словамъ писателей, замѣчательная система подземныхъ водосточныхъ трубъ, которыя все были выложены каменными плитами и имѣли стоки. Теперь же можно видѣть кой-гдѣ только слѣды ихъ.

На *рыкахъ*, по которымъ ходятъ и стоятъ лодки въ огромномъ числѣ, для людей, живущихъ на упомянутыхъ лодкахъ семьями въ десять, пятнадцать и болѣе душъ клоаками служатъ самыя рѣки; и этотъ милый обычай не разъ отбивалъ охоту пить чай, приготовляемый поневолѣ изъ рѣчной воды, потому что во время плаванія по рѣкѣ на лодкѣ иной достать негдѣ: путники ѣдутъ отъ города до города не выходя изъ лодокъ, которыя замѣняютъ имъ квартиры. Но *колоды* имѣются вездѣ въ достаточномъ количествѣ, въ городахъ и деревняхъ, и содержатся по большей части хорошо: они почти всегда обложены каменными плитами, часто покрыты навѣсами и обнесены оградами. Въ городѣ Лань-Чжоу-Фу я видѣлъ прекрасныя *резервуары*, въ которыя проведена вода изъ Хуань-Хэ (Желтой рѣки). Изъ нихъ она разносится по городу носильщиками въ ведрахъ, развозится въ бочкахъ или на вьючныхъ ослахъ и мулахъ.

Въ селахъ и деревняхъ *воздухъ*, разумѣется, чище, чѣмъ въ городахъ, но въблизи жилищъ и полей онъ никакъ не можетъ быть названъ чистымъ. Воздухъ пропитанъ миазмами даже на большихъ дорогахъ, особенно въ горахъ, (гдѣ, при отсутствіи вѣтра, застаиваясь въ долинахъ, не

необновляется долгое время). Это доказываетъ, какъ велико движеніе по торговымъ трактамъ; дѣйствительно по нимъ ежедневно проходитъ громадное число вьючныхъ животныхъ и людей-носильщиковъ, — этихъ локомотивовъ Китая, на плечахъ которыхъ разносится множество всевозможныхъ предметовъ по городамъ и деревнямъ.

Но возвратимся къ *жилищамъ*. Не всѣ дома построены, какъ я описалъ выше; тѣ принадлежатъ людямъ болѣе или менѣе состоятельнымъ; менѣе богатые строятъ себѣ жилища изъ булыжника, скрѣпленнаго глиной, изъ глины съ рубленой соломой, кроютъ ихъ соломенными или тростниковыми крышами, также обмазанными глиной, или плитами асфида, если онъ имѣется въ данной мѣстности. Внутри городскихъ стѣнъ, которыми обнесены буквально всѣ города въ Китаѣ, и особенно внѣ ихъ, въ предмѣстьяхъ и деревняхъ, существуютъ дома, сдѣланные изъ бамбука и тростнику; тутъ же можно встрѣтить шалашъ и конуры, слѣпленные изъ разныхъ обломковъ старыхъ лодокъ, броненныхъ дверей и циновокъ и вмѣщающіе въ себѣ семьи иногда въ десять человѣкъ и болѣе, но имѣющіе собственно ночью, потому что днемъ, какъ я сказалъ, китайцы не любятъ сидѣть въ своихъ жилищахъ и все свѣтлое время проводятъ на открытомъ воздухѣ. Нищіе въ городахъ не имѣютъ часто даже и такихъ шалашей, а живутъ на улпцахъ, находя себѣ пріютъ отъ непогоды и ночлегъ подъ навѣсами домовъ и въ старыхъ заброшенныхъ храмахъ, или же устраиваются въ естественныхъ пещерахъ, гдѣ такія есть, въ разсѣлинахъ и подъ навѣсами скалъ, какъ жили вѣроятно первобытные люди, которые вѣроятно походили на нихъ и своимъ костюмомъ и чистотою кожи. Такія естественныя жилища можно видѣть въ мѣстностяхъ гористыхъ, по берегамъ рѣкъ, гдѣ выстоятъ изъ земли обнаженныя скалы.

Въ сѣверномъ Китаѣ, напр. въ бассейнѣ Желтой рѣки, есть еще особый родъ жилищъ: тамъ цѣлые миллионы людей живутъ въ [искусственныхъ *пещерахъ*, вырытыхъ въ землѣ; существуютъ цѣлыя селенія, не имѣющія на поверхности земли никакого признака построекъ, такъ что можно проѣхать вблизи такихъ селъ, вовсе не подозрѣвая о ихъ существованіи. Сѣверная половина Собственнаго Китая состоитъ изъ особаго рода почвы, называемой лёсомъ (Loess). Эта почва, еще представляющая спорный вопросъ въ геологій относительно ея происхожденія, имѣеть нѣкоторыя особенныя качества, между прочимъ свойство легко раскалываться по вертикальнымъ плоскостямъ и въ то же время представлять весьма прочную массу въ горизонтальномъ направленіи. Благодаря этимъ-то двумъ свойствамъ лёса, въ немъ можно вырывать довольно большія и необваливающіяся пещеры, которыя служатъ людямъ весьма удовлетворительными жилищами. Близъ города Калгана (китайское названіе Чжанъ-Цзя-Коу), въ провинціи Чжи-Ли, по берегамъ Желтой Рѣки и въ другихъ частяхъ провинціи Гань-Су я видѣлъ много такихъ жилищъ. Они располагаются обыкновенно рядами, вдоль обваловъ или овраговъ, у подошвы ихъ или на бокахъ горъ, словомъ тамъ, гдѣ почва образуетъ болѣе или менѣе вертикальную поверхность, которая служитъ лицевой стороной жилищъ и въ которой находятся двери и окна пещеръ, вырытыхъ въ толщѣ земли. Подходя къ такому подземному селенію, вы видите въ почвѣ только черныя дыры входныхъ отверстій, оконъ и отдушныя дымовыхъ трубъ, да иногда при входахъ бывають отгорожены невысокими земляными стѣнами дворики для загона скота, для склада травы, хвороста и разныхъ принадлежностей домашняго хозяйства. Во входныхъ отверстіяхъ навѣшены деревянныя двери, въ окна вставлены рѣшетки, вотъ и весь

строительный материалъ, который употребленъ при соору-
женіи жилища; все остальное въ немъ состоитъ изъ почвы

Внутренность его представляетъ двѣ или три неодо-
образныхъ комнаты; въ каждой изъ нихъ имѣется канъ, по
обыкновенію съ топкой; у одной изъ стѣнъ, большою чи-
стію у наружной, подъ окномъ, оставлено кубическое воз-
вышеніе, состоящее изъ той же почвы и покрытое цинов-
кой или доской,—это столъ, на которомъ работаютъ и го-
товятъ обѣдъ; въ другомъ мѣстѣ, въ стѣнѣ, выдѣлана печ-
ка съ замазаннымъ въ нее котелкомъ; въ третьемъ—углу-
бленіе въ родѣ шкафа, куда складываются постели, лишнее
платье и ставится посуда. Иногда въ то же помещеніе, гдѣ
живутъ люди, загоняютъ на ночь животныхъ,—осла, мула
или свинью, для которыхъ опять изъ той же почвы выдѣ-
ляются на надлежащей высотѣ ясли. Въ такомъ жилищѣ,
когда открыты двери, достаточно свѣта, чтобъ можно было
работать. Они содержатся чисто, воздухъ въ нихъ довольно
свѣжій и не болѣе сырой, чѣмъ въ домахъ; лѣтомъ они
прохладны, зимою теплы; и людямъ живется въ нихъ, по-
видимому, хорошо, насколько это возможно при скудныхъ
средствахъ населенія въ описываемыхъ мѣстностяхъ, сильно
пострадавшихъ отъ междоусобной войны, такъ-называемаго
Дунганскаго возстанія, продолжавшагося около двадцати
лѣтъ, страшно разорившаго и обезлюдившаго край.

Не многіе изъ людей, успѣвшіе спастись отъ всеистре-
блявшихъ ножа и огня мусульманъ, возвратились, когда за-
тихла война, въ развалины своихъ деревень, расположен-
ныхъ по большей части въ долинахъ, но не рѣшились по-
селиться въ нихъ, а основали новыя селенія на самыхъ
макушкахъ окрестныхъ холмовъ и горъ и обнесли ихъ крѣ-
постными стѣнами. Иногда эти селенія находятся на такой
высотѣ, что проѣзжая по долинѣ съ трудомъ можно разсмо-

трѣтъ находящихся въ нихъ людей. Я поднимался къ нѣкоторымъ изъ этихъ *нагорныхъ селъ* и входилъ въ единственные ворота, оставляя у нихъ свою верхнюю лошадь. потому что въѣхать верхомъ въ село невозможно: такъ низка входная дверь, и такъ тѣсно сбились убогиіи мазанки несчастныхъ людей, и такіе узенькіе и горбатые проходы остались между ними. На всемъ лежала печать самой ужасающей бѣдности, эти селенія можно назвать селеніями нищихъ. Всѣ люди безъ исключенія болѣзненны на видъ, худы, грязны; почти всѣ поголовно страдаютъ катарромъ вѣкъ. На ихъ лицахъ выражается, при видѣ чужаго неожиданнаго человѣка, страхъ или мольба о пощадѣ. Напуганные недавно пережитыми ужасами варшарской войны они не разбѣгались при моемъ появленіи или не убивали меня, что также могло быть, только потому, что со мной былъ слуга-китаецъ, который совершенно успокаивалъ ихъ на мой счетъ.

Въ извѣстные часы дня, когда здѣшніе жители готовятъ пищу, каждая хижинка топится и вся крѣпостца дымится какъ пожарище; дымъ не уносится кверху, а расплзается по переулкамъ, наполняя всѣ проходы, проникая въ дворикъ и дома; онъ ѣстъ глаза, изъ которыхъ текутъ слезы и производитъ горечь въ горлѣ. Эта масса дыма накаплиется оттого, что дымовыя отверстія изъ печей выведены не сквозь крыши, а въ боковыя стѣны, не болѣе какъ на аршинъ или полтора отъ земли. Самыя жилища людей, построенныя изъ дикаго камня и земли, можно назвать хлѣвами или сарайчиками, но ни въ какомъ случаѣ не домами.

Я долженъ еще упомянуть объ одномъ родѣ жилищъ, — о лодкахъ. Множество людей въ Китаѣ не имѣютъ ни одной пяди земли, ни своей, ни арендуемой, и проводятъ весь свой вѣкъ въ лодкахъ, которыя предсталилиють ихъ плову-

чіе дома. Въ нихъ они живутъ; они же доставляютъ имъ и средства къ жизни, посредствомъ перевозки грузовъ и пассажировъ; они переходятъ по наслѣдству изъ рода въ родъ. На лодкахъ рождаются новые люди, и многіе только со смертію покидаютъ ихъ, переселяясь на землю. Мушцины выходятъ еще изъ нихъ на берегъ довольно часто; женщины же почти никогда.

Я сказалъ, что жилища не имѣютъ для китайца того важнаго значенія, какъ для насъ. Китаецъ почти цѣлый день проводитъ внѣ его, на дворѣ или на улицѣ; домъ нуженъ ему только ночью да въ случаѣ непогоды. Въ домѣ не производится почти никакихъ занятій; поэтому они и не приспособлены къ нимъ; развѣ только мандаринамъ, которымъ приходится писать, удобнѣе работать за столомъ, въ комнатѣ; всякія же ремесленные занятія совершаются на дворахъ или въ открытыхъ на улицу мастерскихъ, похожихъ на наши лавки или открытые сараи. Даже для обѣда китайцы болышею частію не собираются въ дома, не садятся къ столу, а ѣдятъ на ходу на дворѣ, на улицѣ, въ полѣ. Итакъ, только ночь проводится въ домѣ, если онъ есть, а не имѣющіе его спятъ на улицахъ, подъ навѣсами крышъ, у входовъ въ храмы или въ городскихъ воротахъ, представляющихъ родъ небольшихъ тунелей.

Послѣдуемъ теперь за китайцемъ, *отходящимъ ко сну*. Ложась спать, онъ снимаетъ съ себя рубашку, а иногда и шаровары и покрывается одѣяломъ: но это дѣлается такъ, что выраженіе покрываться будетъ не вѣрно. Онъ складываетъ одѣяло въ три раза и кладетъ на кровать, затѣмъ подворачиваетъ конецъ, соотвѣтствующій ногамъ, и получаетъ такимъ образомъ мѣшокъ; въ него-то и забирается онъ сначала ногами и потомъ постепенно натягиваетъ его себѣ на туловище и влѣзаетъ дальше, пока не войдетъ съ

головой. А иногда, напримѣръ въ холодную погоду, въ такой мѣшокъ забираются двое, чтобы было теплѣе, и располагаются такъ, что у головы каждаго помѣщаются ноги другаго.

Обычай умыванія по пробужденіи соблюдается далеко не всегда и не всѣми, и умываются они не иначе какъ теплой водой, въ какое бы ни было время года; въ холодной, и не прокипяченной водѣ они чувствуютъ почти отвращеніе, такъ что даже въ самые сильные жары, когда вода въ рѣкахъ сильно согрѣвается, купаются только немногіе, большинство же предпочитаетъ обмываніе теплой водой въ баняхъ или просто на открытомъ воздухѣ. Дѣлается же это вообще не часто, потому что въ Китаѣ существуетъ убѣжденіе, что „излишнее соблюденіе чистоты тѣла угрожаетъ опасностью не оставить по себѣ потомства“; а это тамъ равняется большому несчастію. Утреннее умываніе производится отлично отъ нашей манеры умываться: китайцы собственно обтираютъ себѣ руки и лицо мокрой тряпкой. Въ извѣстномъ мѣстѣ часто прямо на землю слуга ставитъ тазикъ съ теплой водой и положенной въ него тряпкой, обыкновенно изъ грубаго сѣраго холста (даже у важныхъ мандариновъ), почему я и не называю ее полотенцемъ. Кто раньше встанетъ, тотъ оботретъ себѣ лицо и руки этой тряпкой и броситъ ее обратно въ тазикъ; на его мѣсто явится второй и тою же тряпкой и тою же водой умоетъ себя; за нимъ придутъ третій, четвертый, и т. д. до послѣдняго члена семьи, которая часто состоитъ изъ десяти и болѣе человекъ... Предоставляю каждому судить, какова должна быть вода для послѣднихъ „коммунистовъ“. Одною водой и одной и той же тряпкой умываются даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда въ семьѣ есть больные, напр. катаррами въкъ, чесоткой и пр., только не проказой, считающейся китайцами абсолютно зарази-

тельной: такихъ больныхъ изгоняють изъ семьи совершенно, и прокаженные живутъ въ особыхъ кварталахъ.

Начинаютъ свой день китайцы не чаемъ, какъ можно было бы ожидать, а ѣдой и весьма солидной: достаточнымъ людямъ тотчасъ по ихъ пробужденіи, обыкновенно часовъ въ 5—6 утра, подаютъ можно сказать цѣлый обѣдъ изъ нѣсколькихъ блюдъ. Второй разъ они ѣдятъ около полудня и третій—около заката солнца. Многие, и по преимуществу не богатые, ѣдятъ еще ночью, что вѣроятно доказываетъ, что они не сытыми ложатся спать или что ихъ пища не достаточно питательна. Проживя на квартирѣ въ одномъ домѣ болѣе мѣсяца, я могъ наблюдать эту ночную ѣду каждый разъ, когда ложился спать. Семья моего хозяина укладывалась раньше, часовъ около девяти, а въ одиннадцать, двѣнадцать всѣ просыпались и начиналась варка и жареніе чего-то. Поѣвъ, они снова успокоивались и не просыпались до утра.

Что же ѣдятъ китайцы? Вотъ одинъ изъ любопытнѣйшихъ вопросовъ для людей мало знакомыхъ съ Китаемъ. Онъ предлагается или въ простой формѣ, что ѣдятъ, или правда ли, что ѣдятъ то и то? Такъ какъ въ каждой странѣ одни ѣдятъ слишкомъ много, а другимъ ѣсть нечего, смотря по состоянію, то соотвѣтственно этому и качество пищи представляетъ большое разнообразіе. Какъ у насъ, отъ трюфелей, устрицъ, жирныхъ печеней и т. п., сопровождаемыхъ замысловатыми блюдами, существуетъ длинная лѣстница яствъ до чернаго хлѣба съ квасомъ и лукомъ, которыми исключительно питается въ извѣстное время года большинство нашего населенія, такъ и въ Китаѣ переходъ отъ стола богачей-мандариновъ и купцовъ къ скромной ѣдѣ бѣдняка-рабочаго представляетъ большое разнообразіе яствъ, находящихся между этими двумя крайностями.

Самую существенную пищу китайскаго народа составляют зерна риса, пшеницы, овса, ячменя и кукурузы; затѣмъ стручковые растенія, горохъ и бобы разныхъ сортовъ, листья, коренья, плоды многихъ растеній, отчасти употребляемыхъ въ пищу и у насъ, какъ морковь, рѣпа, рѣдька, или неизвѣстныхъ у насъ какъ *Nelumbium*, *Scirpus*, *Hirpuris*, *Tigra natans*, бататъ соответствующій нашему картофелю, молодые побѣги бамбука и проч. Изъ рису варить крутую кашу безъ соли, и ѣдятъ одну или съ приправами; изъ пшеницы готовится хлѣбъ, большею частію прѣсный и тяжелый, вермишель и разныя оладьи, которые жарятся въ свиномъ салѣ; изъ гороха готовятъ сыръ, къ которому для скрѣпленія массы примѣшивается песточенный въ порошокъ гниль. По берегамъ большихъ рѣкъ народъ можетъ пользоваться рыбой.

Для людей болѣе состоятельныхъ, разумѣется кромѣ всѣхъ упомянутыхъ предметовъ, доступны еще яйца и мясо, свиное и баранье, а также домашнихъ птицъ и дичи. За столомъ богатыхъ людей кромѣ того является множество разнообразныхъ предметовъ, большею частію привозимыхъ въ Китай въ видѣ консервовъ изъ другихъ странъ или добываемыхъ въ его собственныхъ моряхъ. Я назову изъ нихъ только главные и наиболѣе употребительные; сюда относятся ласточкины гнѣзда, голотурія тренангъ, каракатица, плавники и носъ акулы, разныхъ породъ раки, нѣкоторыя насѣкомыя, личинки и многія морскія водоросли какъ *Laminaria sacharina*, *Laminaria digitata*, *Gigartina tepa* (*agar-agar*—малайцевъ), *Sphaerococcus* и др.

Перечисленіе всѣхъ предметовъ, входящихъ въ составъ китайской гастрономіи и рассказъ о ихъ кулинарномъ искусствѣ увлекъ бы насъ слишкомъ далеко; поэтому я прибавлю къ сказанному лишь нѣсколько словъ о томъ, чего китайцы

не ѣдятъ, каковъ у нихъ порядокъ за обѣдомъ и о пищахъ. Впервыхъ, ими не употребляются въ пищу молоко и все, что изъ молока добывается. Масло замѣняется или топленнымъ свинымъ саломъ и растительными маслами, получаемыми изъ сѣмянъ различныхъ растений: *Brassica napensis*, *Camelia oleifera*, *Arachis hypogaea*, *Sesamum*, а также мака и конопли. Если какіе-нибудь гастрономы и ѣдятъ откормленныхъ щенятъ, кошекъ, крысъ, мышей, саранчу, о чемъ и слышалъ и въ Китаѣ, то это вѣроятно встрѣчается какъ исключеніе или въ немногихъ мѣстностяхъ. Мнѣ же самому ни разу не случилось видѣть ни употребленія въ пищу названныхъ животныхъ, ни встрѣчать ихъ въ продажѣ въ мясныхъ лавкахъ; не употребляется также въ пищу касторовое масло, науки, черви, ящерицы и другіе предметы, о чемъ тѣмъ не менѣе ходятъ разказы. Можетъ быть, повторяю, все это и было когда-нибудь наблюдаемо, но въ исключительныхъ случаяхъ.

Обѣды приготовляемые у богатыхъ мандариновъ, въ праздники или въ торжественныхъ случаяхъ, состоятъ нерѣдко изъ сорока, шестидесяти и болѣе различныхъ блюдъ, но каждое блюдо подается въ гораздо меньшемъ количествѣ чѣмъ у насъ.

Обѣдъ обыкновенно начинается конфетами, вареньемъ, фруктами, сладкими печеніями, соленой рыбой и ветчиной. Все это ставится на столъ одновременно. Вторая перемяна кушаній состоитъ изъ мясныхъ блюдъ; третья—изъ суповъ разныхъ сортовъ; четвертая—изъ различнаго жаренаго мяса; пятая—изъ разнаго рода хлѣба (раньше хлѣбъ никогда не является на столѣ) большею частію прѣснаго, безвкуснаго, и наконецъ вареный рисъ безъ всякихъ приправъ и даже безъ соли.

Наиболѣе обыкновенными изъ приправъ за обѣдомъ суть укусъ, одинъ или съ солью, чеснокъ, пикули и различныя сои. За обѣдомъ подается *вино* и *водка*, приготовляемая изъ рису, проса и другихъ зерновыхъ растений; изъ винограда же китайцы не умѣютъ готовить вина. Водка ихъ крѣпка, но плохо очищена и подается подогрѣтою. Употребленіе вина и водки во всѣхъ слояхъ общества непостоянно и умѣренно, такъ что пьянаго въ нашемъ смыслѣ слова я не встрѣтилъ ни разу за все время путешествія.

Въ отношеніи напитковъ въ Китаѣ не существуетъ такого разнообразія какъ у насъ; можно сказать что единственнымъ напиткомъ у всѣхъ китайцевъ служитъ вода, болѣею частію кипяченая, — но не одна, а съ примѣсью листовъ чаю, или же многихъ другихъ растений, которыя всѣ также называются *ча* или *чаа*, т.-е. чаемъ съ прибавленіемъ другихъ названій добавочныхъ, напр. лао-жень-ча, чай стариковъ, нюй-жень-ча, женскій чай и проч. Настоящіе чайныя листья разныхъ достоинствъ вывозятся за границу, раскупаются богатымъ и среднимъ сословіями. остальные же продовольствуются его суррогатами.

Я познакомился съ послѣдними и нашелъ большую разницу съ нашимъ чаемъ, но весьма незначительную съ тѣмъ, который пьютъ китайцы; это потому, что оба послѣдніе представляютъ настолько рѣзкое различіе между собою, что туземцы, видѣвши насъ пившими чай, вели между собою разговоръ „о нашемъ заморскомъ чаѣ“, не подозрѣвая вѣроятно, что онъ возросъ на ихъ землѣ, ихъ руками собранъ и упакованъ для отправки „за море“. Точно такъ не показался намъ чаемъ и настоящій китайскій чай въ свою очередь.

Дѣло въ томъ, что извѣстныя намъ свойства чаю, его красный настой, горьковатый и болѣе или менѣе вязущій

вкусъ, особый, только чаю свойственный ароматъ, не суть свойства растенія, а придаются его листьямъ искусственно, извѣстнымъ способомъ приготовленія. Тогда чай получаетъ названіе чернаго (хэ-ча) или краснаго (хунъ-ча), который почти весь отправляется за границу; для своего же употребленія китайцы готовятъ чай другимъ способомъ, и этотъ продуктъ вовсе не похожъ на нашъ; онъ для насъ даже вовсе не чай, и въ самыхъ дорогихъ сортахъ туземнаго чая, какіе мнѣ доводилось пить у мандариновъ, я не находилъ ни вкуса, ни аромата: это была горячая, почти безцвѣтная вода съ плавающими въ ней мелкими зелеными листочками. Точно также нашъ чай многимъ изъ китайцевъ казался отвратительной микстурой. Между тѣмъ положительно извѣстно, что какъ нашъ черный чай, такъ и китайскій зеленый и желтый сорта могутъ быть собраны не только въ одной и той же мѣстности, но и съ однихъ и тѣхъ же кустовъ, т.-е. что часть листьевъ собранныхъ со одного куста можетъ превратиться въ зеленый или желтый чай, а другая — въ черный; или въ одномъ году листья даннаго куста дадутъ зеленый чай, въ другомъ — черный.

Итакъ, не породами чайнаго куста, не мѣстностями съ ихъ климатическими и почвенными особенностями обуславливается рѣзкая разница между извѣстнымъ намъ и туземнымъ чаемъ, а только способами приготовленія. Въ ботаникѣ признаются только два вида чая: *bohea* и *viridis*, но и это раздѣленіе нѣкоторыми отвергается. Въ чемъ же заключается разница въ процессахъ приготовленія?

Если чайные листья будутъ окончательно высушены непосредственно послѣ сбора и возможно скоро, какъ высушиваются растенія для гербарія, все равно при помощи ли солнечнаго тепла или искусственнаго жара, тогда получается чай, который будетъ давать безцвѣтный зеленоватый

или желтый настой, не имѣющій ни вкуса, ни запаха, по крайней мѣрѣ вовсе не похожій на известный намъ; а самые листья будутъ сохранять чистый зеленый цвѣтъ, чего въ нашемъ чаѣ никогда не замѣчается. Чтобы листья побурѣли, чтобъ они при обвариваніи ихъ кипяткомъ стали давать красный настой и получили новый оригинальный ароматъ, нужно, чтобъ собранные чайные листья, провяленные и слегка подсушенные на воздухѣ, были сложены потомъ въ большія кучи, или въ корзины, или закрома и оставлены на нѣкоторое время. При такомъ лежаніи еще не высушеннаго чая, во время такъ называемаго „замариванія“ его, въ немъ совершается какой-то процессъ, сопровождающійся сильнымъ повышеніемъ температуры, происходитъ та метаморфоза, вследствие которой чай измѣняетъ свои свойства, — превращается въ черный, годный для нашего употребленія, въ „заморскій чай“. Упомянутый процессъ есть не что иное какъ начинающееся разложеніе, и наблюдающіе за приготовленіемъ знаютъ по опыту моментъ, въ который нужно прекратить его. Тогда чай разсыпаютъ на циновкахъ тонкимъ слоемъ и потомъ просушиваютъ окончательно искусственнымъ способомъ надъ угольями.

Читателямъ, вѣроятно, извѣстно, какъ чай проникъ въ Россію; въ Китаѣ же начало употребленія чая объясняется слѣдующимъ образомъ. Китайцы давно замѣтили вредъ отъ питья сырой воды и это наблюденіе, сдѣланное первоначально въ мѣстностяхъ, обильныхъ рисовыми полями, надъ водою, проходящею чрезъ сотни такихъ полей и содержащею множество разлагающихся органическихъ веществъ, мало-по-малу распространилось по всей странѣ и заключеніе о вредномъ вліяніи сырой воды перенесено на всякую некипяченую воду вообще. Ее стали кипятить и для приданія ей вкуса стали класть различныя травы и между

прочимъ испробовали чайные листья. Въ нихъ они замѣтили будто бы благотворное вліяніе, оказываемое на здоровье вообще и въ особенности на пищевареніе; и вотъ эта заслуженная или незаслуженная слава чайныхъ листьевъ стала распространяться болѣе и болѣе и наконецъ перешла далеко и за предѣлы Китая. Только поводы къ прославленію чая на его родинѣ и за границей не одинаковы. Иноземцы цѣнятъ въ чаѣ болѣе его ароматъ, чѣмъ цѣлебныя свойства; китайцы же, когда хвалятъ чай, увѣряютъ васъ, что пить его здорово, что „если поѣшь много и потомъ выпьешь хорошаго чаю, пища вся осядетъ, дышать станетъ легче и ѣсть опять станетъ можно“.

Опредѣленнаго времени для питья чая и существующей у насъ такъ сказать церемоніи чаепитія за столомъ, съ самоваромъ у китайцевъ нѣтъ; они пьютъ его въ продолженіе цѣлаго дня, когда кому захочется пить; только у людей достаточныхъ онъ подается обыкновенно послѣ обѣда, за тѣмъ же столомъ или вѣди обѣда, если онъ очень продолжителенъ.

Итакъ, вотъ новыя свѣдѣнія о чаѣ, покрайней мѣрѣ для меня въ нихъ было много новаго.

По окончаніи обѣда переходятъ къ новому удовольствію: подобно нашимъ кофе и сигарамъ, у китайцевъ является въ столовой опій, къ куренію котораго они приступаютъ такъ же просто, какъ мы къ кофе и табаку.

Куреніе опиума на столько не похоже на куреніе табаку и такъ мало извѣстно въ Россіи, что я скажу о немъ нѣсколько подробнѣе. Трубка для этого совершенно особенная, своеобразная, и никогда не курятъ опія съ табакомъ, какъ многіе думаютъ, ни наоборотъ. Она состоитъ изъ чубука около аршина длины; чубукъ имѣетъ одинъ конецъ на-

глухо закрытый; а на нѣкоторомъ разстояніи отъ него, съ боку, находится отверстіе, въ которое вставляется фарфоровая или изъ иного матеріала сдѣланная трубка. Она представляетъ какъ бы наглухо закрытую крышкой маленькую чашку, имѣющую отверстіе въ днѣ, посредствомъ котораго она сообщается съ чубукомъ. На противоположной сторонѣ, такъ сказать, на вершинѣ крышки, имѣющей нѣсколько коническую форму, находится маленькое отверстіе, такое маленькое, что въ него можетъ пройти только толстая булавка.

Прежде чѣмъ приступить къ самому куренію, надо еще приготовить извѣстнымъ образомъ опійную массу, которая, какъ извѣстно, представляетъ сгущенный сокъ изъ головокъ восточнаго или снотворнаго мака. Захваченная на желѣзную иглу въ видѣ крупной капли, опійная масса подогрѣвается надъ пламенемъ лампочки, скатывается на палецъ, снова подогрѣвается, снова скатывается и т. д. нѣсколько разъ, пока получить способность отвердѣвать при охлажденіи. Тогда она, подогрѣтая еще разъ, приклеивается въ видѣ конуса надъ упомянутымъ маленькимъ отверстіемъ трубки, въ которое пропускается игла; масса остается на трубкѣ, а игла, слегка поворачиваемая, удаляется, оставляя послѣ себя каналъ проходящій чрезъ всю массу опія и сообщающійся съ полостью трубки, а слѣдовательно и чубукомъ. Когда все готово, курильщикъ обыкновенно ложится, беретъ чубукъ въ ротъ, подноситъ опій къ пламени лампочки и, держа надъ нимъ, втягиваетъ въ себя воздухъ, дѣйствуя не щекami, а всей грудной кѣткой. Опій во все время только кипитъ, потому что ему не даютъ загораться пламенемъ. Вотъ и весь процессъ куренія.

Курильщикъ довольствуется одной порціей (съ маленькій наперстокъ величиной) или выкуриваетъ одну за другой

четыре, пять и шесть трубок. Привычные люди выкуривают опи́я въ день до одной осьмой фунта *).

Дѣйствіе опи́я на курильщиковъ то же, что похмѣлье на пьяницу: они отнюдь не впадаютъ въ дремоту, сопровождаемую какими-либо пріятными видѣніями, а только чувствуютъ себя здоровѣе, бодрѣе и веселѣе. Если отъ продолжительнаго некуренія у нихъ начались разныя болѣзненные ощущенія, какъ обыкновенно и бываетъ (а именно: боли въ спинѣ, подъ ложечкой, слезотеченіе, тяжесть головы, общая слабость и неопредѣленная тоска съ упадкомъ духа), то всѣ они послѣ куренія проходятъ, уступая мѣсто чувству общаго довольства. Непривыкшіе же къ опи́ю ничего подобнаго не испытываютъ. Я напримѣръ курилъ о́ній много разъ и никогда не могъ добиться другаго эффекта кромѣ головокруженія, головной боли, сердцебіенія и рвоты, если курилъ много; въ противномъ случаѣ эффекта не было никакого. То же передавали мнѣ всѣ пробовавшіе курить, но не сдѣлавшіе привычки. Вредное вліяніе, оказываемое опи́емъ на организмъ, выражается по преимуществу разстройствомъ органовъ пищеваженія и питанія тѣла, а также нервной системы; но отнюдь не въ сильной степени.

Эта вредная привычка съ каждымъ годомъ прививается къ большому и большому числу людей и въ настоящее время въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ число курящихъ доходитъ до 80 процентовъ между мужчинами, и до 50 процентовъ между женщинами. Большой процентъ встрѣчается вообще въ городахъ и между богатыми; мандарины на которыхъ возложена обязанность слѣдить за тѣмъ, чтобы макъ не разводили въ самомъ Китаѣ, чтобы народъ не курилъ о́иумъ, сами курятъ его больше всѣхъ. Поля засѣянные макомъ

*) Стоимость его доходитъ до 7-ми и 8-ми рублей за фунтъ.

встрѣчаются теперь повсюду; курильни существуютъ въ родахъ совершенно открыто и въ огромномъ числѣ.... Но главный вредъ отъ опія отражается не столько на здоровьѣ китайцевъ, сколько на ихъ благосостояніи.

Мы не будемъ касаться этого чисто экономическаго вопроса, а перейдемъ къ одеждѣ китайцевъ.

Одежда ихъ состоитъ приблизительно изъ тѣхъ же предметовъ, какъ у насъ, но не похожа на нихъ покроемъ, и представляетъ одно главное отличие: всякая принадлежность китайскаго костюма, какъ мужскаго такъ и женскаго, отличается своею широтою и просторомъ всѣхъ частей. Платье дѣлается изъ пеньковыхъ, бумажныхъ, льняныхъ и шелковыхъ тканей; зимни одеяла дѣлаются на вѣтѣ или на мѣху, а лѣтомъ многіе ходятъ полуголыми. На головѣ они носятъ разнаго фасона *шляпы* и *шапочки*, но очень любятъ ходить съ открытыми головами, что дѣлаютъ даже подъ самыми жгучими лучами солнца. Кожаной *обуви* они почти не носятъ, а дѣлаютъ ее также (не исключая и подошвъ, состоящихъ изъ сильно спрессованныхъ и прошитыхъ тряпокъ), изъ различныхъ тканей. Каблуковъ они не дѣлаютъ вовсе. Хотя ихъ остроконечная обувь и кажется не рациональною, какъ несоответствующая формѣ человеческой ноги, тѣмъ не менѣе китайцы не знаютъ болѣзни, происходящей, какъ надо думать, исключительно подъ вліяніемъ обуви,—у нихъ не бываетъ мозолей (d-r Dudgeon). Не зависитъ ли это отъ матеріала, а также отъ того, что обувь не имѣетъ каблуковъ и что китайцы носятъ свои башмаки и сапоги на той и на другой ногѣ безразлично?

Что касается до *внѣшнихъ особенностей* китайцевъ, ихъ тѣлосложенія и общаго состоянія здоровья, то должно сказать, что на эти вопросы всего труднѣе отвѣчать, не имѣя

большаго запаса точно сдѣланныхъ наблюденій *). Не имѣи послѣднихъ, приходится ограничиваться чисто субъективными воззрѣніями, которыя, конечно, не могутъ имѣть строго научнаго значенія.

На мой взглядъ китайскій народъ пользуется въ общемъ хорошимъ здоровьемъ, и люди доживаютъ, какъ мнѣ говорили, обыкновенно до 60 — 70 лѣтъ. Они средняго роста, хотя встрѣчаются и атлеты; большею частью худощавы, хотя встрѣчаются и очень жирные; цвѣтъ кожи большею частію смуглый, но можно встрѣтить также всѣ оттѣнки отъ бѣлага до коричневаго, что зависитъ главнымъ образомъ отъ большаго или меньшаго пребыванія подъ лучами солнца. Волосы и глаза черные, впрочемъ послѣдніе бываютъ иногда каріе, но рѣдко; на головѣ волосы прямые, густые; и лысые встрѣчаются очень рѣдко; усы и борода, напротивъ, очень рѣдкіе и съ волосами также прямыми.

Въ черепѣ китайцевъ ясно замѣчаются двѣ особенности, сильная покатость назадъ верхней части лба и суженіе въ височныхъ областяхъ. Въ чертахъ лица наибольшее вниманіе обращаютъ на себя выдающіяся скулы, искривленный разрѣвъ глазъ, плоскій носъ и довольно толстыя выдающіяся губы.

Изъ другихъ органовъ, наиболѣе сильно развитыхъ обращаетъ на себя вниманіе гортань, обыкновенно очень выступающая впередъ, чему соотвѣтствуютъ обыкновенно сильные и звонкіе голоса, составляющіе особенность китайцевъ.

*) Въ одномъ изъ портовъ, гдѣ живутъ наши соотечественники, я просилъ нѣкоторыхъ изъ нихъ, имѣющихъ частыя сношенія съ китайскимъ народомъ, производить наблюденія надъ ростомъ, вѣсомъ и тѣлосложеніемъ китайцевъ и доставить мнѣ собранныя данныя, но къ сожалѣнію я еще до сихъ поръ не получилъ ихъ.

Мышечная система хорошо развита и мышцы ногъ сильнѣе ручныхъ. Руки и ноги малы, и первыя хорошо развиты.

По своему характеру китайцы веселы, болтливы и общительны, но вспыльчивы и, какъ говорятъ, метительны; и мой взглядъ они изъ европейцевъ ближе всѣхъ подходятъ къ итальянцамъ.

Все населеніе Собственнаго Китая раздѣляется въ гражданскомъ отношеніи на два разряда,—ученыхъ и неученыхъ. Первые пользуются извѣстными пранами, главнымъ образомъ на полученіе государственныхъ должностей и сопряженныхъ съ ними богатства и преимуществъ; вторые занимаются торговлей, ремеслами, земледѣліемъ или работаютъ исключительно мышцами, подобно выюннымъ животнымъ. Есть еще довольно многочисленный классъ людей, по разнымъ причинамъ ничѣмъ не занимающихся: по недостатку работы на все густое населеніе, по болѣзни, лѣности или вслѣдствіе сильно разившейся страсти къ куренію опиума, дѣлающей человека негоднымъ къ исполненію какихъ-либо обязанностей, подобно нашимъ пьяницамъ. Богатое сословіе составляютъ мандарины, занимающіе болѣе важные посты, и крупные купцы; среднее—остальные купцы и фермеры; бѣдный классъ—ремесленники, лодочники, носильщики, и наконецъ такіе нищіе, какихъ едвали можно увидать въ европейскомъ государствѣ, если не причислять къ нимъ Турцію. Многіе изъ нихъ почти голые и въ зимнее время ихъ много гибнетъ буквально отъ холода и голода.

Какъ покойно проводятъ въ Китаѣ свою жизнь достаточные классы, такъ много и тяжело работаютъ тамъ бѣдные. И чтобъ составить себѣ понятіе о массѣ мышечной работы, расходуемой въ Китаѣ, какъ извѣстно, немнѣющимъ машинъ, стоить только взглянуть на множество стѣнъ, кро-

ивъ знаменитой Великой, высокихъ и толстыхъ стѣнъ, окружающихъ города всё до одного; на множество зданій построенныхъ на вершинахъ высокихъ холмовъ, нерѣдко искусственно сложенныхъ изъ обломковъ скалъ, на обработанныя поля, изобравшіяся иногда такъ высоко по горнымъ склонамъ, что двигающіеся тамъ люди и животныя кажутся какими-то игрушечными; на множество вырытыхъ каналовъ и прудовъ съ перекинутыми черезъ нихъ мостами, состоящими нерѣдко изъ огромныхъ мраморныхъ кусковъ; на гигантскія сооруженія береговыхъ плотинъ вдоль многихъ рѣкъ, для предупрежденія разливовъ; стоитъ обратить вниманіе на тотъ фактъ, что несмотря на жалкое состояніе многихъ дорогъ, всё предметы необходимости и даже роскоши распространяются по всёмъ городамъ и даже значительнымъ торговымъ селамъ, и что очень большая часть этихъ товаровъ переносится носильщиками на плечахъ,—тогда станетъ понятно какъ много и постоянно трудятся китайцы. Народъ тамъ имѣетъ гораздо меньше отдыха, чѣмъ въ Европѣ праздники у нихъ очень рѣдки; а перваго и пятинадцатаго числа каждаго мѣсяца, празднуемыхъ въ Китаѣ подобно нашимъ воскресеньямъ, народъ обыкновенно не прекращаетъ своихъ занятій.

Но работа тамъ плохо вознаграждаетъ человека. Если онъ явился на свѣтъ, получивъ въ наслѣдство только собственное тѣло, работа будетъ доставлять ему скудное пропитаніе; а заболѣлъ онъ—и ему грозитъ голодная смерть, если родные или друзья не спасутъ отъ нея, потому что бѣдняку, не имѣющему дома, и заболѣвшему некуда идти кромѣ улицы или какого-нибудь закоулка:—ни пріюта, ни больницы нѣтъ ни въ одномъ городѣ во всей Средней имперіи. Только въ Пекинѣ имѣется императорскій пріютъ для нищихъ, но онъ находится въ самомъ ужасномъ положеніи. благодаря, какъ

говорять, нечестности завѣдывающихъ имъ мандариновъ. Къ сожалѣнію мнѣ не удалось его видѣть, но достаточно описанія, чтобъ представить себѣ все ужасы грязи и нищеты, какіе представляетъ это благотворительное учрежденіе. Мнѣ живо представилось описаніе этого пріюта, когда я осматривалъ *тюрьму* въ одномъ изъ большихъ городовъ (Лань-Чжоу-Фу, о которой и скажу нѣсколько словъ).

Не входя въ подробное описаніе самыхъ зданій, положенія арестантовъ, орудій пытокъ и наказаній, я замѣчу только, что большаго отступленія отъ правилъ гигиены невозможно придумать ни въ какомъ отношеніи: тѣснота помѣщеній и скученіе людей, сырость и грязь, недостаточная одежда въ холодное время года; какъ говоритъ, жестокое обращеніе стражи, выжимающей у арестантовъ послѣднія копейки, и ужасный, болѣзненный видъ арестантовъ, вотъ болѣе выдающіяся черты этой тяжелой картины... Гуманность остается до сихъ поръ чуждою самому древнему и раньше всѣхъ другихъ достигшему цивилизаціи государству. Явленіе странное и требующее глубокаго изслѣдованія его причинъ.

Наблюдая описанный выше порядокъ въ частной и общественной жизни, остается только удивляться, какъ могутъ тамъ люди пользоваться еще относительно хорошимъ здоровьемемъ. А меня въ общемъ не поражали ни болѣзненный видъ населенія, ни особенно распространенныя болѣзни, ни большіе размѣры смертности; въ толпѣ я всегда встрѣчалъ много людей, достигшихъ глубокой старости; никто не замѣтилъ, чтобъ населеніе въ Китаѣ уменьшалось (если не брать въ расчетъ эмиграціи и войны). По всей вѣроятности благодатный климатъ, почти постоянное пребываніе на открытомъ воздухѣ и отсутствіе запертыхъ зданій, гдѣ бы скучивалось много людей, напр. фабрикъ, большихъ домовъ, театровъ, и т. п., замѣняютъ имъ другія жизненныя удоб-

ства и уравниваютъ послѣдствія многихъ изнѣненій и неудобствъ.

Главными занятіями китайскаго населенія служатъ земледѣліе (куда отнесемъ воздѣлываніе и уборку чая), промыслы, совершаемый при помощи телѣгъ, вьючныхъ животныхъ, лодокъ или собственныхъ плечъ и ногъ (носильщики, кули), приготовленіе всевозможныхъ тканей, бумаги, фарфора, разработка каменнаго угля, строительное дѣло (каменьщики, плотники), рѣзьба по дереву, (типографія и ксилографія, искусственная рѣзьба), производство безконечнаго разнообразія предметовъ изъ бамбука, приготовленіе металлическихъ издѣлій и другія ремесла.

БОЛѢЗНИ.

МЕДИЦИНА И ВРАЧИ.

Перейдемъ теперь къ больному человѣку. *Пробладающія болѣзни* не одинаковы во всей странѣ, такъ какъ она очень обширна и представляетъ много мѣтностей, по своему характеру рѣзко отличающихся одна отъ другой; но также есть болѣзни общія всему Китаю, и къ нимъ должно отнести: болѣзни глазныя, кожныя, органы пищеваренія, ревматизмъ и изъ эпидемическихъ оспу.

Независимо отъ недостаточной опрятности и передачи заразительныхъ формъ глазныхъ болѣзней, независимо отъ многихъ вліяній, постоянно дѣйствующихъ на глаза, какъ разныя вредныя испаренія, пыль, дымъ и проч., распространенію глазныхъ болѣзней еще содѣйствуетъ одинъ негнѣный обычай—*чистка глазъ*. Она производится цирюльниками и состоитъ въ выворачиваніи вѣкъ и очищеніи ихъ внутренней поверхности отъ пыли и слизи. Послѣ этой операціи вѣки дѣлаются сильно покрасившими и раздраженными, а послѣ нѣсколькихъ такихъ манипуляцій, добросовѣстно исполненныхъ, нерѣдко развивается воспаленіе: но люди въ простотѣ душевной объясняютъ его тѣмъ, что очищеніе было произведено недостаточно хорошо. Операцію повторяютъ и на этотъ разъ старательнѣе и энергичнѣе, и результатомъ этихъ повтореній являются болѣе тяжелыя и трудно излѣчимыя или

неизлѣчимыя вовсе болѣзни вѣкъ или даже роговой оболочки, которая повреждается иногда во время самой чистки вѣкъ; въ ней развиваются воспалительные процессы, оста-вляющіе послѣ себя помутнѣнія, и зрѣніе разстраивается въ большей или меньшей степени, или происходят изъязвле-нія ея, послѣ которыхъ зрѣніе не рѣдко совершенно ге-ряется.

Европейскимъ врачамъ, состоящимъ при госпиталяхъ миссій, устроенныхъ во многихъ открытыхъ портахъ, какъ въ Кантонѣ, Амоѣ, Гонгъ-Конгѣ, Шанхаѣ и другихъ, при-ходится лѣчить по преимуществу отъ глазныхъ болѣзней и въ ихъ отчетахъ цифры больныхъ этого рода ежегодно воз-растаютъ (вслѣдствіе пріобрѣтенія большого довѣрія и уве-личенія числа больныхъ, обращающихся къ нимъ вообще).

Наиболѣе частыми формами глазныхъ болѣзней являются хроническое воспаление вѣкъ и помутнѣнія роговой оболоч-ки. Такъ изъ 2.190 всего числа больныхъ, пользовавшихся въ Кантонѣ, 375 или почти одна шестая приходится на эти формы. Съ катарактами было 160, entropion *) 171, и 148 съ полной потерей обоихъ глазъ. Въ Амоѣ изъ 571 случая 233, или около одной седьмой, имѣли послѣдніе соедини-тельной оболочки вѣкъ, большую часть которыхъ должно приписать, говорится въ отчетѣ, непосредственно или кос-венно дѣятельности цирюльниковъ. Въ Чжу-Санѣ пропорція страданій вѣкъ и роговой оболочки еще значительнѣе и обуславливается той же причиною. Такъ изъ 1.554 всѣхъ больныхъ упомянутыхъ случаевъ было 800.

Я лично наблюдалъ очень много случаевъ заворота рѣ-снищъ съ его послѣдствіями, т.-е. полнымъ помутнѣніемъ роговой оболочки.

*) Заворотъ вѣкъ.

Часто, какъ сказано, встрѣчается заворотъ вѣкъ, и вотъ какое хирургическое лѣчение употребляютъ туземные врачи въ этой болѣзни. Они выворачиваютъ вѣко наружу и укрѣпляютъ складку его между туго связанными бамбуковыми пластинками или щипчиками и оставляютъ до тѣхъ поръ пока захваченная складка не превратится въ струну! Этой операцией глазъ обезображивается еще болѣе, и полученный результатъ бываетъ обыкновенно хуже самой болѣзни.

Другая, подобная чисткѣ вѣкъ, операція есть *чистка ушей*, также совершаемая цирюльниками. На улицахъ китайскихъ городовъ это можно видѣть сколько угодно. Она также нерѣдко вызываетъ болѣзни наружнаго уха, а иногда и прободеніе барабанной перепонки. Тѣмъ не менѣе несмотря на ясный вредъ отъ подобныхъ дѣйствій, ясныи по крайней мѣрѣ для тѣхъ лицъ, съ которыми случились подобные несчастія, они снова подвергаются имъ, снова идутъ чистить свои глаза и уши только къ другому мастеру и увѣчатъ себя ни за что, ни про что, только по невѣдѣнію своему. Вотъ поистиннѣ общечеловѣческая черта!

Изъ кожныхъ болѣзней въ Китаѣ наболѣе, распространена *чесотка*, на которую люди, повидимому, мало обращаютъ вниманія даже въ тяжелыхъ формахъ, вѣроятно потому, что убѣдились въ ея неизлѣчимости при помощи своихъ врачей: ко мнѣ же обращались многіе съ просьбою избавить ихъ отъ сыпи и главнымъ образомъ отъ тягостнаго зуда. Чесотка встрѣчается какъ въ простомъ народѣ, такъ и въ высшихъ классахъ, особенно между дѣтьми ихъ, получающими болѣзнь отъ своихъ нянекъ, (которыми, замѣчу мимоходомъ, въ Китаѣ бываютъ обыкновенно мужчины, потому что женскій наемный трудъ тамъ вообще не въ обычаѣ). Я давалъ лѣкарство пока оно было; потомъ съ помощію одного доктора, туземца-христіанина, написалъ рецептъ на китай-

скомъ языкѣ вмѣстѣ съ наставленіемъ какъ употребить лѣкарство и просилъ вырѣзать его на доскѣ, чтобы отсюда можно было распространить въ народѣ, такъ какъ составныя части противучесоточной мази въ Китаѣ имѣются. А то туземные врачи, незнакомые съ сущностью болѣзни, лѣчатъ ее большею частью внутренними средствами и, разумѣется безуспѣшно.

Второю весьма распространенною болѣзнию является *парша*—*favus*. Китайцы знаютъ о ея заразительности; но, вѣроятно, испробовавъ всѣ способы лѣченія, предоставляютъ болѣзнь самой себѣ, вслѣдствіе чего можно не рѣдко встрѣтить несчастныхъ, вся голова которыхъ покрыта одною сплошною корой. Я давалъ совѣты относительно способа лѣченія парши, болѣе развитымъ довѣрялъ лѣкарство (сулему), но были ли какія-нибудь результаты—я не могъ знать такъ какъ уѣзжая дальше, не видалъ больше своихъ пациентовъ.

Въ центральномъ и южномъ Китаѣ одна изъ тяжелыхъ болѣзней есть *проказа*, проявляющаяся слѣдующими признаками:

а) Мѣстная потеря чувствительности кожи, безъ видимаго измѣненія тканей.

б) Появленіе блѣдныхъ пятенъ болѣе или менѣе лишенныхъ чувствительности и имѣющихъ видъ круговъ, особенно выступающихъ во время холодной погоды. Припуханія кожи на нихъ незамѣтно.

в) Подобныя пятна только неправильной формы, отъ полдюйма до нѣсколькихъ дюймовъ въ діаметрѣ; каждое пятно окружено краснымъ ободкомъ. Кожица на нихъ шелушится и замѣчаются поверхностныя изъязвленія. Край ихъ рѣзко возвышается, а къ центру переходитъ постепенною пока-

тостью, гдѣ кожа обыкновенно блѣднѣе и болѣе или менѣе лишена чувствительности.

г) Плотныя полушаровидныя возвышенія, величиною отъ горошины до лѣснаго орѣха и болѣе. Цвѣтъ кожи на нихъ нормальный или багровый. Послѣднія чаще встрѣчаются на бедрахъ или на стопахъ и имѣютъ склонность слегка изъязвляться. Чувствительность кожи потеряна.

д) Буровато-багровыя возвышенія неправильнаго криволинейнаго очертанія достигаютъ большаго размѣра и проникаютъ въ толщу кожи. Края ихъ рѣзко приподняты надъ здоровой кожей, которая въ сосѣдствѣ съ ними вполне безчувственна.

е) Болѣе или менѣе буроватыя утолщенія на кожѣ лица или на шеѣ; въ сильнѣе развитыхъ формахъ кожа образуетъ складки и придаетъ извѣстное выраженіе, напоминающее львиную физиономію. Эта форма часто сопровождается слезотеченіемъ, вслѣдствіе закрытія слезныхъ канальцевъ и носоваго канала, и потерю или ослабленіемъ чувствъ обонянія, вкуса и слуха. Потеря чувствительности ясная.

ж) Окрашиваніе кожи въ бронзовый цвѣтъ.

з) Уничтоженіе мускуловъ и потеря чувствительности въ соответствующихъ мѣстахъ, чаще на плечѣ и предплечьяхъ. Она сопровождается обыкновенно сведеніемъ пальцевъ внутрь и рѣзкой потерей силы.

и) Потеря костей пальцевъ вслѣдствіе костозды.

і) Потеря пальцевъ вслѣдствіе изъязвленія или омертвленія.

к) Язвы, образующіяся вслѣдствіе ушибовъ или произвольнаго вскрытія описанныхъ бугорковъ: онѣ чаще встрѣчаются на стопахъ, голеняхъ и рукахъ. Язвы обыкновенно не велики, но распространяются вглубь, особенно когда

являются на подошвахъ, и трудно излѣчиваются даже при соблюденіи чистоты и удаленіи ихъ возвышенныхъ краевъ. Не смотря на то, что язвы находятся на кожѣ, лишенной чувствительности, онѣ бываютъ иногда очень болѣзненные, особенно углубленные.

д) Лепрозныя пятна бываютъ обыкновенно лишены волосъ; потовыя железы перестаютъ функционировать, а сальные, напротивъ иногда увеличиваются въ объемъ.

Чаще всего проказой поражаются ручныя кисти, затѣмъ лицо, ноги; рѣже—грудь, животъ, спина, и рѣже всего другія части тѣла. Вопросъ о наследственности и заразительности проказы остается неразрѣшеннымъ; наследственность считается въ Китаѣ почти несомнѣнною, а заразительность большинствомъ отвергается, но туземцы вѣрятъ въ заразительное свойство проказы и больныхъ ею изгоняютъ изъ семьи. Въ городахъ отводятъ для прокаженныхъ отдѣльные кварталы; для нихъ существуютъ пріюты, впрочемъ больше номинально, вслѣдствіе чего они принуждены ходить по улицамъ прося милостыни, такъ какъ никакой работы себѣ они получить не могутъ. Прокаженнымъ дозволяется поступать въ бракъ только между собою, но этимъ пріемомъ пользуются рѣдко, вслѣдствіе крайней нищеты, на которую обречены эти несчастные. Къ причинамъ заболѣванія проказой нѣкоторые относятъ сифилисъ; европейскіе же врачи приписываютъ происхожденіе ея дурнымъ гигиеническимъ условіямъ; но, въ виду проявленія ея въ извѣстныхъ мѣстахъ преимущественно предъ другими, должно допустить существованіе какихъ-нибудь мѣстныхъ причинъ, которыя однако еще не дознаны. Туземные врачи считаютъ себя бессильными противъ проказы, и все, чего они еще надѣются достигнуть, ограничивается тѣмъ, чтобы предупредить обезображиваніе лица; съ этою цѣлью они прибѣгаютъ къ

смѣшнымъ или отвратительнымъ способамъ лѣченія. Молодыя женщины, по ихъ мнѣнью, скорѣе вылѣчиваются чѣмъ мужчины и старухи, что объясняется тѣмъ, что онѣ могутъ исполнить предписание факультета — предаваться веселой жизни въ продолженіи трехъ, четырехъ лѣтъ. Не трудно себѣ представить, какая польза можетъ быть отъ подобнаго лѣченія, и народъ пришелъ къ твердому убѣжденію, что проказа неизлѣчима. Въ издаваемомъ въ Гонгъ-Конгъ журналѣ, нѣкто Ch. Pitton рассказываетъ, что въ Китаѣ отъ времени до времени повторяются случаи погребенія прокаженныхъ живыми, чтобы разомъ окончить страдальческую жизнь своихъ несчастныхъ родственниковъ.

Изъ лихорадочныхъ болѣзней извѣстны въ Китаѣ перемежающіяся формы различнаго типа, существующія по преимуществу въблизи рисовыхъ полей. Извѣстны также тифъ и судя по рассказамъ, возвращающіяся горячки.

Оспа существуетъ почти эндемически, но является и эпидеміями, производя страшныя опустошенія. Предохранительное оспопрививаніе, введенное въ Кантонѣ болѣе пятидесяти лѣтъ назадъ, еще недостаточно распространилось даже въ этомъ городѣ, но мало-по-малу число оспопрививаній увеличивается. Прививаніе коровьей оспы извѣстно теперь во всѣхъ восточныхъ провинціяхъ и распространяется съ согласія и подъ покровительствомъ правительства, но народъ еще не убѣдился въ пользѣ этой мѣры и относится къ ней равнодушно. Родители очень боятся прививать оспу зимой и весной, а въ это именно время наиболѣе умираетъ отъ нея дѣтей, а также и взрослыхъ.

Холера является такимъ же страннымъ бѣдственнымъ въ Китаѣ, какъ и въ другихъ странахъ; но о ходѣ ея и силѣ эпидеміи мнѣ самому было трудно собрать какія либо свѣдѣнія. Изъ наблюденія европейскихъ врачей за послѣднюю

половину столѣтія мы узнаемъ слѣдующее. Въ 1820 году холера явилась въ Нинъ-По и по показаніямъ одного туманнаго врача, сообщеннымъ имъ д-ру Мильнъ, она унесла въ этомъ городѣ съ его окрестностями около 10,000 чело-вѣкъ въ промежутокъ времени съ 1820 по 1823 годъ. Въ это же время холера была въ Хань-Чжоу-Фу, главномъ городѣ провинціи Чжс-Цзянъ, въ провинціяхъ Шань-Дунъ и Цзянь-Су. Люди часто умирали на улицахъ и нерѣдко часъ или два спустя отъ перваго проявленія болѣзни; ихъ погибало множество, и туземные врачи въ отчаяніи бросили свое лѣченіе. Въ 1842 году холера была сильнѣе въ Амоѣ, Чжанъ-Чжоу-Фу и сосѣднихъ съ ними мѣстностяхъ. Въ первомъ бывало ежедневно болѣе ста смертей, и такъ продолжалось нѣсколько дней. Въ Кантонѣ никогда не бывало холерной эпидеміи, за то спорадическіе случаи наблюдаются постоянно. Въ ходѣ болѣзней также замѣчались скачки: она то переходила пѣз одного города въ слѣдующій, близлежащій, то оставляла нѣсколько другихъ нетронутыми. Въ южномъ Китаѣ холера была, по свидѣтельству туземцевъ, въ 16-мъ столѣтіи и съ тѣхъ поръ не появлялась.

Сифилисъ и проституція, повидимому, распространены далеко не въ такой степени, какъ это думаютъ. Тотъ и другая спльнѣ развиты въ приморскихъ городахъ, въ Пекинѣ, особенно между нищими, пріѣзжими купцами и монгольскимъ духовенствомъ; но внутри страны сифилисъ встрѣчается въ рѣдкихъ случаяхъ, что съ большой вѣроятностью можетъ быть приписано существованію раннихъ браковъ и весьма небольшому числу людей, остающихся холостыми. Туземные врачи лѣчатъ сифилисъ также ртутью, употребляя ее также внутри, снаружи и въ видѣ окуриваній.

Еще упомяну о *золѣ*; онъ встрѣчается преимущественно въ горныхъ или возвышенныхъ мѣстностяхъ и часто со-

проводяется идиотизмомъ или только ослабленіемъ умственныхъ способностей.

Перейдемъ теперь къ *медицинской наукѣ*. врачамъ и ихъ практической дѣятельности. Чтобы составить себѣ понятіе о состояніи медицины у какого-либо народа нужно прежде познакомиться съ тѣмъ запасомъ точныхъ знаній, безъ которыхъ невозможны никакія сознательныя дѣйствія лица, посвящающаго себя дѣлу исцѣленія или облегченія человѣческихъ страданій. Вовторыхъ, слѣдуетъ рассмотреть тѣ учрежденія, какія государство имѣетъ для образованія врачей, ибо подготовительныя занятія медициной по своему существу таковы, что предаваться имъ каждому у себя дома невозможно. Но, держась этого плана, я зашелъ бы слишкомъ далеко, потому что число наукъ и разныхъ пособій, входящихъ въ составъ медицины, громадно, и долженъ былъ бы отказаться отъ него, еслибы намѣревался говорить не о медицинѣ Китая, а какой-нибудь другой страны: въ данномъ же случаѣ мнѣ достаточно будетъ привести нѣсколько примѣровъ, по которымъ можно составить себѣ довольно вѣрное понятіе о той степени совершенства или, правильнѣе, несовершенства, въ какомъ находится въ Срединномъ государствѣ интересующая насъ наука.

Въ китайской физиологической *анатоміи* преподается, на примѣръ, что черепъ, тазъ, голень и предплечье суть цѣльныя кости, что между лопаткой и плечомъ, а также между бедромъ и голенью находятся еще промежуточные кости, намъ неизвѣстныя и, конечно, не существующія въ тѣлахъ китайцевъ. Точнаго описанія скелета вовсе нѣтъ, въ чемъ повидимому они и не нуждаются, такъ какъ считаютъ его просто „вѣшалкой“ или стativeмъ, на которомъ размѣщаются необходимыя для жизни мягкія части тѣла. Последнія, по ихъ мнѣнію, имѣютъ съ нимъ связь не болѣе прочную, чѣмъ

какая существует, напримѣръ, между перекладиной и столбомъ, поддерживающимъ ее, т.-е. они просто только хорошо пригнаны другъ къ другу. Между мускулами, сухожилими и нервами китайскіе врачи различія не дѣлаютъ, называя ихъ общимъ именемъ *цинь*. Точно такъ они не различаютъ артеріальныхъ и венозныхъ сосудовъ, артеріальной и венозной крови. Сердце, говорятъ они, лежитъ подъ легкими и составляетъ самую главную часть тѣла; оно есть, по ихъ выраженію, *князь тѣла*. Отъ него, по ихъ мнѣнію, происходятъ мысли. Сердечная оболочка начинается отъ сердца и покрывая его, простирается къ почкамъ! Далѣе описываются три трубки идущія отъ сердца къ селезенкѣ, печени и почкамъ; онѣ вмѣстѣ съ пищеводомъ проходятъ черезъ діафрагму, которая прикрѣпляется къ позвоночнику, ребрамъ и кишкамъ. О назначеніи упомянутыхъ трубокъ они повидимому не имѣютъ яснаго представленія. Снабженіе тѣла кровью, по китайскому ученію, нѣсколько сложно, и различные авторы описываютъ его различно. На нѣкоторыхъ изъ ихъ анатомическихъ рисунковъ предсталиются трубочки, начинающіяся въ концахъ ручныхъ и ножныхъ пальцевъ и поднимающіяся по рукамъ и ногамъ къ туловищу, гдѣ онѣ теряются или достигаютъ сердца, легкихъ и другихъ органовъ, заходя на пути въ большую часть области тѣла.

Мозгъ, по мнѣнію ихъ ученыхъ, служитъ мѣстопробываніемъ какаго-то таинственнаго женскаго начала *инь*, и при основаніи его (приблизительно въ мѣстѣ, соответствующемъ продолговатому мозгу), гдѣ находится его средоточіе. это начало сообщается со всѣмъ остальнымъ тѣломъ.

Дыхательное горло идетъ черезъ легкія *прямо въ сердце* нѣсколько расширяясь на своемъ пути, а глотка и пищеводъ идутъ позади его въ желудокъ. Легкія имѣютъ бѣлый цвѣтъ, помѣщаются въ груди и управляютъ различными

частями тѣла. Они состоятъ изъ шести долей или листовъ, прикрѣпленныхъ къ позвоночнику; на одной сторонѣ четыре, на другой—два. Голосъ происходитъ изъ пустотъ, находящихся въ нихъ! Центръ груди или подложечная ямочка есть мѣстопребываніе дыханія; отсюда исходятъ радость и восторгъ. Поврежденія этого мѣста опасны.

Печень лежитъ на правой сторонѣ и состоитъ изъ семи долей. Въ ней находится *душа* и изъ нея, т.-е. печени, исходятъ человѣческія намѣренія и планы. Желчный пузырь лежитъ ниже печени и открывается въ нее. Въ немъ пребываетъ храбрость, и когда человекъ бываетъ въ гнѣвѣ, желчь поднимается кверху!

Селезенка находится между желудкомъ и діафрагмой и способствуетъ пищеваренію. Пища переходитъ въ желудокъ уже изъ нея, оттуда въ толстыя кишки, которыя лежатъ въ поясничной части, образуя шестнадцать изгибовъ и соединяются съ легкими. Тонныя кишки находятся въ связи съ сердцемъ. По нимъ кромѣ того проходитъ моча въ пузырь, отдѣляясь отъ пищи или плотныхъ частей въ началѣ поперечной кишки. О салынкѣ упоминается, но назначеніе его неизвѣстно; о поджелудочной железѣ и брыжейкѣ не упоминается вовсе.

Можно было бы привести еще много подобныхъ заблужденій относительно устройства тѣла и назначенія органовъ, но и приведенныхъ примѣровъ достаточно, чтобы показать все глубокое невѣдѣніе китайскихъ врачей относительно механизма, который они поправляютъ такъ старательно и глубокомысленно въ случаѣ его разстройства, т.-е. въ болѣзни. Нѣкоторыя изъ заблужденій просто непостижимы, невѣроятны, но мы не будемъ удивляться, когда вспомнимъ, что въ Китаѣ до сихъ поръ не вскрыто ни од-

ного человеческого трупа съ цѣлью изслѣдованія *), что свои свѣдѣнія объ анатоміи человѣка они составили только путемъ аналогіи, наблюдая надъ устройствомъ тѣла животныхъ, и то убиваемыхъ для употребленія въ пищу, а никакъ не для изученія; иначе они не могли бы впасть въ подобныя заблужденія.

Понятно, что построенная на такихъ основаніяхъ наука неизбѣжно должна носить несерьезный, забавный характеръ; понятно чего могутъ стоить въ нашихъ глазахъ ихъ физиологическія свѣдѣнія, ихъ теоріи, ихъ собранныя пѣчками данныя для распознаванія болѣзней, а слѣдовательно и ихъ лѣченіе.

Сказаннаго мною, надѣюсь, достаточно для всякаго, чтобы убѣдиться, что съ нашей, то-есть европейской точки зрѣнія, въ Китаѣ медицины не существуетъ, а еслибы я раньше сказалъ, что тамъ нѣтъ ни одной школы для образованія врачей, ни одного лазарета, даже пріемнаго покоя, мое отрицаніе существованія медицинской науки въ Среднемъ государствѣ было бы лишнимъ. Мое недостаточно глубокое знакомство съ предметомъ, о которомъ идетъ рѣчь, не дозволяетъ мнѣ совершенно отрицать существованіе у нихъ какихъ-нибудь цѣнныхъ, вѣрно подмѣченныхъ фактовъ; вѣроятно они есть; можетъ быть они знаютъ десятки—другой эмпирическихъ средствъ и методовъ лѣченія, дѣйствительно полезныхъ, но это еще не составляетъ науки; сколько бы ни было написано сочиненій, сколько бы не существовало лѣкарствъ и врачей. Итакъ, повторю, въ Китаѣ нѣтъ ни медицинской науки, ни врачей, какъ мы понимаемъ ту и другихъ. Тамъ есть только зародыши, пер-

*) Китайцы, говорятъ, вскрываютъ трупы своихъ неприятелей на войнѣ. вынимаютъ сердца и печени и ѣдятъ ихъ, вѣря въ предразсудокъ, что этимъ можно сдѣлать себя храбрымъ (China Review).

вые дѣтскіе шаги къ наукѣ; есть люди, которые сдѣлали себѣ болѣе или менѣе выгодную профессію изъ обманыванія своихъ ближнихъ, есть ограниченные люди, глубоко убѣжденные въ непогрѣшимости своихъ умозаключеній и полезности дѣйствій. Несомнѣнно есть также люди, пылливый умъ которыхъ заставляетъ стремиться къ узнаванію истины, а здравый смыслъ—сомнѣваться въ существоющихъ положеніяхъ науки, но эти личности, при указанномъ мною отсутствіи всякихъ пособій, проходятъ безслѣдно, или почти безслѣдно; и книги, написанныя въ глубокой древности такъ-называемыми отцами медицины, Чи и Ю, остаются почти неизмѣннымъ кодексомъ правилъ—какъ надо поступать въ такомъ-то или иномъ случаѣ.

Китайцы сами сознаютъ несостоятельность своей медицины и нѣкоторые изъ ихъ философовъ даже совершенно отрицаютъ ее. Такъ, напримѣръ, въ книгѣ Ту-Биня говорится: „Медицина находится въ полной зависимости отъ промысла и намѣреній неба. Не говоря уже о томъ, что она никогда не выходитъ изъ облаковъ сомнѣнія, невѣдѣнія и предположеній, сколько является новыхъ болѣзней, эпидемическихъ лихорадокъ и заразы (?), сколько кризисовъ и явленій, которые наступаютъ неожиданно и ускользаютъ отъ взоровъ медицины! Человѣкъ не знаетъ ни какъ онъ рождается, ни какъ умираетъ.... все тайна для него. Онъ видитъ инструментъ, старается объяснить его, даетъ названіе струнамъ, самымъ сокровеннымъ, но постигнуть колебанія ихъ и тоны—выше его силъ. Дни каждаго человѣка сочтены; продолжительность его жизни измѣрена,—какъ же можно надѣяться, что медицина въ состояніи измѣнить что-нибудь, когда всякая жизнь есть только кольцо въ огромной цѣпи міровыхъ судебъ, всѣ составныя части которой разъ на всегда опредѣлены. Медицина поэтому не можетъ никого спасти отъ смерти“

Это во многомъ справедливое разсужденіе, отчасти приложимое и къ намъ, доказываетъ, что въ Китаѣ есть глупые и трезвые умы, которые при лучшихъ условіяхъ достигли бы той же высоты, какая доступна для людей въ Европѣ. У китайцевъ не достаетъ первоначальныхъ точныхъ знаній, служащихъ азбукой медицины, безъ которой нельзя читать никакого научнаго сочиненія; но этотъ недостатокъ не помѣшалъ китайскимъ ученымъ строить различныя туманныя теоріи и не мало философствовать самымъ положительнымъ тономъ на разныя медицинскія темы.

„Здоровое состояніе тѣла, говоритъ, напримѣръ, одинъ китайскій ученый, основывается на гармоническомъ соотношеніи внутренностей и ихъ отравленій, какъ между собою такъ и съ пятью металлами, пятью цвѣтами, пятью вкусами и пятью планетами“. (???)

Я никакъ не могъ понять, что разумѣютъ китайцы подъ этими соотношеніями; что значитъ, напримѣръ, признаваемое за несомнѣнный фактъ соотношеніе между печенью и бровями, между внутренними и наружными почками (*testiculi*) и бородой? *) между сердцемъ и волосами? Что значитъ напримѣръ:

„Если лицо темнѣетъ, значитъ легкія потемнѣли, потому что легкія относятся къ бѣлому“ (?).

Упомянутыя выше двадцать таинственныхъ понятій находятъ, по убѣжденію китайцевъ, въ тѣсной связи со всеѣмъ тѣломъ, и ихъ дѣйствіе въ свою очередь основывается на всепроникающихъ функціяхъ *инь* и *янъ*,—этихъ исходныхъ

*) Это положеніе, вѣроятно, основывается на томъ наблюденіи, что евнухи не имѣютъ бороды. Соотношеніе между сердцемъ и волосами можетъ быть основывается на томъ, что сильныя ощущенія напримѣръ страха, оказываютъ вліяніе на пигментъ волосъ; а между печенью и бровями, что человекъ въ гнѣвѣ хмуритъ брови.

пунктахъ китайской философіи. „Жизнь, говоритъ эта философія, заключаетъ въ себѣ два существенныхъ начала— мужское, или жизненную теплоту—*янъ*, и женское, или основную влагу—*инь*, которыя находятся въ духахъ, воздухъ и крови. Отъ измѣненія или раздѣленія этихъ двухъ началъ происходятъ разстройства въ нашемъ тѣлѣ и различныя болѣзни; здоровье же зависитъ отъ ихъ полной гармоніи и постоянного равновѣсія. Эти два существенныя начала переходятъ въ другія части тѣла посредствомъ двѣнадцати жизненныхъ духовъ и крови, обращеніе которыхъ совершается по неизвѣстнымъ законамъ“ (Ту-Бинъ)*.

Или другой примѣръ. Механизмъ человѣческаго тѣла— совершенно гидравлическій и состояніе здоровья зависитъ отъ свободнаго обращенія жидкостей и духовъ. Два важныхъ препятствія,—вѣсъ и треніе, въ связи съ вышними причинами постоянно загрудняютъ это обращеніе, противодействуя ему. Вотъ почему такъ важна акупунктура (иглоукалываніе): она усиливаетъ упругость и дѣятельность воздуха, необходимаго для жидкаго состоянія влаги и помогаетъ имъ, какъ и крови, преодолевать препятствія, затрудняющія ихъ обращеніе и тѣмъ самымъ производящая болѣзни“...

Не правда ли, какъ все это ясно, то-есть какъ туманно, произвольно, и вмѣстѣ съ тѣмъ какъ положительно!

Взглянемъ теперь на *диагностику*, т.-е. опредѣленіе или распознаваніе болѣзней. Самый главный и общеупотребительный діагностическій приемъ есть *изсмѣдованіе пульса*. Производится оно съ необыкновенно театральной торжественностью и таинственностью. Докторъ медленно приближается къ пациенту, медленно отодвигаетъ назадъ рукава своего платья и, сѣвъ напротивъ, беретъ его руки за запястья въ

*) La médecine chez les Chinois. Dabry.

объ свои. Потомъ голова его наклоняется; онъ закрываетъ глаза и долго, долго сидитъ въ этой позѣ. Пальцы его то слегка нажимаютъ артерію, то отпускаютъ, то тихо переставляются по рукѣ выше или ниже. Глаза по временамъ открываются и лицо принимаетъ самый серьезный и задумчивый видъ. Пациентъ слѣдитъ за нимъ, ждетъ приговора, но докторъ молчитъ; пациентъ электризуется, предлагаетъ въ нетерпѣннѣйшій тотъ или другой вопросъ, докторъ не отвѣчаетъ; онъ снова закрываетъ глаза и опускаетъ голову. Больной безъ сомнѣнія, проникается почтеніемъ къ глубокимъ знаніямъ великаго мужа—Дай-Фу, какъ китайцы называютъ врачей вообще; его просто пробираетъ страхъ передъ этимъ ясновидящимъ человѣкомъ съ закрытыми глазами. Глаза открылись снова и глядятъ въ пространство, глядятъ долго, а пальцы все разоблачаютъ совершающіяся въ глубинѣ тѣла тайны. Затѣмъ взглядъ переходитъ на пациента: также медленно, торжественно и глубокомысленно смотритъ врачъ на его лицо; наконецъ руки выпускаются, тихо и не менѣе горестивно. Последованіе кончено; болѣзнь понята и больному говорится какой нибудь болѣе или менѣе напугивающій его вздоръ, безъ котораго онъ не стѣнеть лѣчиться у него.

Я просилъ одного доктора изслѣдовать мои пульсъ, и сказать мнѣ, какъ онъ находитъ мое здоровье. Изслѣдованіе продолжалось около четверти часа, которая показалась мнѣ гораздо продолжительнѣе; обаянія на меня онъ, разумѣется, не произвелъ, и мнѣ стало только скучно; но воображаю, какъ внушительно должна дѣйствовать подобная процедура на непосвященнаго въ тайны китайской „латинской кухни“. Докторъ объявилъ мнѣ наконецъ, что инъ и янь находятся у меня въ полной гармоніи, что и такъ было видно.

До какого, будто бы, совершенства доведено въ Китаѣ изслѣдованіе пульса, можно судить изъ того, что по нему одному можно не только опредѣлить всякую болѣзнь, можно узнать—кто явится на свѣтъ, мальчикъ или дѣвочка; по пульсу узнаютъ о присутствіи въ тѣлѣ „дурныхъ мокротъ“, или то, что на тѣло „могущественно повліяли злые духи“.

Китайская публика однако сама подозрѣваетъ своихъ врачей въ невѣжество и шарлатанствѣ и посмѣивается надъ ними. Такъ, было не мало примѣровъ, что врача призывали къ дамѣ; рука ея выставлялась изъ-за занавѣски, и докторъ производилъ изслѣдованіе пульса, чтобы потомъ отвѣтить хозяйну дома, кого родить ему жена—сына или дочь? Коллега отвѣчаетъ обыкновенно сына; (потому что рожденіе сына въ Китаѣ есть счастье, и дочери, если не несчастье, то и не радость)... и вдругъ изъ-за занавѣски выходитъ мандаринъ, обладатель предательской женоподобной руки!

Однако, подобный вопросъ, какъ я сказалъ, часто предлагается врачамъ серьезно; вѣдь чѣмъ менѣе образованно общество, тѣмъ больше оно требуетъ отъ доктора, это общее правило. Извѣстенъ, на примѣръ, случай, что одинъ докторъ лишился мѣста при дворѣ за такое ошибочное предсказаніе. Онъ былъ приглашенъ къ беременной императрицѣ, и по изслѣдованію ея пульса, изъ другой комнаты черезъ шнурокъ, одинъ конецъ котораго былъ данъ ему въ руки, а другой приложенъ къ пульсу ея величества, долженъ былъ отвѣтить на вопросъ, сына или дочь родить императрица; и, вопреки предсказанію доктора, она разрѣшилась дочерью. За то, наоборотъ, другой докторъ старыхъ временъ былъ удостоенъ обожанія въ потомствѣ, которое и въ настоящее время считаетъ его богомъ медицины, за то, что онъ, также черезъ шнурокъ въ 20 фут. длины,

опредѣлили причину трудныхъ родовъ императрицы, объяснили ихъ тѣмъ, что ребенокъ ухватился ручками за грудь матери.

Кромѣ изслѣдованій пульса китайскими врачами соображаются еще признаки субъективные путемъ разспрашиванія; но ни употребляемыхъ въ Европѣ ни постукиванія, ни выслушиванія, ни другихъ приѣмовъ изслѣдованія больного въ Китаѣ не существуетъ; и слабость ихъ познанія въ этомъ отношеніи ясно сказывается въ классификаціи болѣзней.

Всѣ болѣзни раздѣляются у нихъ на слѣдующія 9 группъ:

1. Болѣзни, сильно поражающія пульсъ.
2. Болѣзни, слабо поражающія пульсъ.
3. Простудныя или происходящія отъ холода.
4. Женскія болѣзни.
5. Накожныя болѣзни.
6. Болѣзни, требующія лѣченія посредствомъ иглоукалыванія.
7. Глазныя болѣзни.
8. Болѣзни рта и его частей.
9. Болѣзни костей.

Подобная классификація даетъ достаточное понятие о томъ низкомъ уровнѣ, на которомъ находится въ Китаѣ медицинская наука.

Поговоримъ теперь о *способахъ лѣченія* болѣзней. Оно бываетъ внутреннее и наружное. Первое имѣетъ въ своемъ распоряженіи громадный запасъ всевозможныхъ веществъ, по преимуществу изъ растительнаго царства, въ видѣ сѣмянъ, коры, корней, листьевъ, древесины или смоль. Главныя изъ нихъ суть: ревень и жень-шень, которыя входятъ почти въ каждый рецептъ. Изъ минеральныхъ веществъ употребляются немногія, напр.: ртуть, въ видѣ каломеля и красной осадочной ртути, селитра, мышьякъ, квасцы. Кромѣ

того въ фармакологию входитъ много странныхъ предметовъ, напримѣръ: медвѣжьи лапы, безоары, кости тигра, рога оленей, наросты носороговъ и рога изюбрей, толченые скорпионы, настойка изъ летучихъ мышей, сушенныя змѣи, скелеты обезьянъ, чешуи броненосцевъ, желчь каменнаго преступника и т. п. Потребленіе лѣкарствъ въ Китаѣ столь же велико, какъ ихъ разнообразіе. Несмотря на дешевизну ихъ, одна провинція Гань-Су ведетъ торговлю ими ежегодно на милліоны рублей. Я встрѣчалъ цѣлые караваны вьючныхъ муловъ, тащившихъ всякій мусоръ въ родѣ хворосту, сушеныхъ корней, листьевъ и пр. Это все лѣкарства. Сотни лодокъ встрѣчались мнѣ на р. Хань, нагруженные также лѣкарствами. Внутренніи средства даются въ видѣ декоктовъ, порошковъ, шлюль и миксуръ, въ составъ которыхъ входитъ иногда до семидесяти и болѣе веществъ; сложность же лѣкарства возрастаетъ пропорціонально вознагражденію, получаемому врачомъ, слѣдовательно желудка богатыхъ болѣе терпятъ отъ науки, чѣмъ бѣдныхъ; для императорскаго же двора при которомъ имѣются специалисты по каждому изъ названныхъ отдѣловъ болѣзней, существуетъ особенная фармакологія съ дозеологіей гораздо болѣе умѣренной... Мѣра не лишняя, оригинальная и знаменательная. Аптекъ, или правильнѣе лѣкарственныхъ лавокъ, въ Китаѣ множество; и ихъ можно узнавать на улицахъ по оленьимъ рогамъ съ тремя вѣтвями, прикрѣпленныхъ надъ входами въ нихъ. Кромѣ того бываютъ вывѣски, по содержанию своихъ высокопарныхъ надписей похожія на тѣ, какія вѣшаются также на домахъ врачей и служатъ обыкновенно ихъ адресами. За докторомъ посылаютъ не въ извѣстную улицу и такой-то домъ, а напримѣръ въ „Храмъ Благодѣянія“, въ „Храмъ Спокойствія“ и т. п., какъ называются квартиры врачей.

Можно написать огромную книгу о *materni medicina sinensis*, но это будет лишь голый перечень средств и употребленія, въ какихъ случаяхъ они употребляются, безъ основанія, безъ критики, какою и вышло напимѣрь сочиненіе капитана Дабри „*La médecine chez les Chinois*“, такъ что едва ли можно извлечь изъ него какую-либо пользу, особенно потому что въ немъ нѣтъ китайскихъ надписей для опредѣленія средства; звуковыя же названія ничего не объясняютъ въ силу особенностей китайскаго языка.

Да кромѣ того, можемъ ли мы относиться съ довѣріемъ къ наукѣ, въ которой на ряду съ разумнымъ стремленіемъ къ истинѣ встрѣчаются самыя необъяснимыя нелѣпости. Напимѣрь у китайцевъ есть средство для оживленія только что умершихъ людей, и вотъ въ чемъ оно состоитъ. Берутъ большую лягушку, вѣшаютъ ее въ сухомъ мѣстѣ и оставляютъ на болѣе или менѣе долгое время, наблюдая за тѣмъ, чтобы насѣкомыя ея не съѣли. Затѣмъ, во время луннаго затменія, кладутъ ее въ сосудъ съ водою, покрытый мѣднымъ тазомъ или сковородою, называемымъ „до“. Маленькій мальчикъ долженъ бить въ этотъ тазъ до гѣхъ поръ, пока не прекратится затменіе *). Тогда, открывъ сосудъ, находятъ лягушку живою и ползущею; немного спустя она начинаетъ даже прыгать. Эту ожившую лягушку толкутъ вмѣстѣ съ другими лѣкарствами и получаютъ эту драгоценную смѣсь, которая употребляется для возвращенія къ жизни людей, покинувшихъ было землю.

*) Лунныя затменія объясняются у нихъ нападеніемъ на луну небснаго пса, и во время этого общественнаго бѣдствія всѣмъ жителямъ предписывается спасать ее. Мѣстныя власти, по предписанію закона, также исполняютъ обрядъ этого спасенія луны, обрядъ сопровождаемый криками, колоченіемъ въ тазы, барабаны, тарелки и всевозможнымъ гамомъ.

При застарѣломъ разстройствѣ желудка и затрудненіи глотанія (о причинахъ нѣтъ и рѣчи какъ въ гомеопатіи.—довольно одного симптома), часто прибѣгаютъ къ слѣдующему лѣченію. Даютъ ѣсть животнымъ сырыя зерна и тѣ, которыя, пройдя кишечный каналъ, останутся неперевавленными, обмывъ, кладутъ на нѣкоторое время въ землю и потомъ даютъ больнымъ съ упомянутыми болѣзнями.

Старикамъ и разслабленнымъ китайскіе врачи предписываютъ для возстановленія здоровья и силъ употребленіе внутрь человѣческой мочи. Для той же цѣли назначается подобнымъ людямъ женское молоко, которое въ южномъ Китаѣ даже продается, какъ лѣкарство, на улицахъ. Вотъ еще нѣсколько оригинальныхъ способовъ лѣченія. Отъ лихорадки предлагается слѣдующее средство: возьми пластырь изъ персиковъ, положи на средину шиванскую муху цѣлую или истертую въ порошокъ, и, приложивъ между бровями или на затылокъ, носи до дѣйствія.

Какъ рвотное, напр. въ случаѣ отравленія мышьякомъ, листовымъ золотомъ и другими ядами,—назначаются *excrementa humana, quantum satis*. Это лѣкарство извѣстно подъ названіемъ *финъ-танъ*, т.-е. супа изъ названнаго предмета. Во время конвульсій у дѣтей прикладываютъ къ рукамъ генціану и варенія яйца. Не менѣе дѣйствительно средство произвести беременность. Женщина, не рождающая дѣтей, должна выносить воду, въ которой обмывали чьего-нибудь новорожденнаго ребенка, и выливать ее, но не отъ себя, а къ себѣ и потомъ въ постели должна съѣсть два яйца—одно бѣлое, другое красное.

Женщинъ, страдающей очень продолжительными родовыми болями, совѣтуютъ держать въ рукахъ кожу бѣлки-лѣтяги для уменьшенія болей и ускоренія родовъ, что считается

полезнымъ на томъ основаніи, что это животное отличается легкостью и быстротою движеній.

При т. н. куриной слѣпотѣ употребляются испражнения летучихъ мышей, зайцевъ, *os seriae* и другія средства. Приведенныя примѣры могутъ показаться слишкомъ исключительными, простонародными, и я готовъ былъ принять ихъ только за обычай, но говорятъ что они предписываются настоящими учеными врачами. Намъ кажется это невѣроятнымъ, но не надо забывать, что незнакомые съ точными науками китайцы поголовно всѣ суевѣрны и склонны къ чудесному, сверхъестественному и странному. Объясненіе болѣзней, пониманіе ихъ сущности переполнено у нихъ вымыслами ничѣмъ не сдержанной фантазіи, грубыми предразсудками и построено на совершенно произвольныхъ теоріяхъ. Напримѣръ происхожденіе рака грудной железы объясняется задержаніемъ въ груди воздуха, который не можетъ пройти черезъ одинъ изъ двѣнадцати путей, служащихъ для его движенія, въ печень или селезенку, и, скопляясь, образуетъ опухоль, которая въ послѣдствіи вскрывается.

Во время моего пребыванія въ Китаѣ императоръ Тунъ-Чжи. (предшественникъ настоящаго Гуанъ-Сюн) заболѣлъ оспою, и придворные врачи, какъ надо думать, одни изъ ученѣйшихъ, долго ломали себѣ голову надъ вопросомъ: какое соотношеніе между пятномъ явившимся на солнцѣ 9 декабря 1874 года *) и оспенными прыщами, показавшимися на лицѣ императора, въ одинъ и тотъ же день. Этотъ вопросъ разрѣшили имъ астрономы и прорицатели, къ которымъ часто обращаются, какъ у насъ къ сомнамбуламъ, въ случаяхъ болѣзней. „Весьма естественно, сказали они врачамъ: въ небѣ явилось пятно на солнцѣ; что жъ удивительнаго,

*) День прохожденія Венеры черезъ дискъ солнца.

что явились пятна на лицѣ Сына Неба. Съ исчезаніемъ пятен на солнцѣ, должны исчезнуть и „небесные цвѣты“ съ лица императора“. Небесными цвѣтами китайцы называютъ почему-то оспу. При дворѣ между специалистами по всемъ упомянутымъ девяти классамъ болѣзней находится еще одинъ врачъ, обязанность котораго состоитъ въ исполненіи жертвоприношеній заздравныхъ и благодарственныхъ; а слѣдующій эпизодъ показываетъ, какъ относятся тамъ ко врачамъ. 24 декабря августѣйшему пациенту стало лучше, и у Южныхъ воротъ Императорскаго города коллега пожегъ жертвенной бумаги на сумму до 700 руб.! Тѣмъ не менѣе 6 января болѣзнь усилилась, а 12 онъ умеръ. Въ чемъ состояло лѣченіе—неизвѣстно, но все врачи, хотя и ни въ чемъ не отступали отъ правилъ, предписанныхъ „отцами медицины“, были отставлены отъ своихъ должностей.

Перейдемъ къ наружнымъ средствамъ. Изъ нихъ употребляются многіе пластыри, мази, припарки, приготовляемыя изъ веществъ индифферентныхъ, или слегка раздражающихъ, а также острыхъ и ѣдкихъ. Припарки дѣлаются большею частью изъ странныхъ, или отвратительныхъ предметовъ. Съ наружными лѣкарствами китайскіе врачи поступаютъ еще смѣлѣе, и иногда пустая болѣзнь, напримѣръ маленькая язва, подъ вліяніемъ ихъ лѣченія прижигающими средствами превращается въ глубокую, поражающую большую часть тканей и доходящую даже до внутреннихъ органовъ. Больной въ такихъ случаяхъ приходитъ въ отчаяніе. жалуется, что лѣченіе идетъ медленно, а врачъ утѣшаетъ его тѣмъ, что теперь онъ намѣренъ предпринять рѣшительное лѣченіе, которое увѣнчивается иногда подобнымъ успѣхомъ. Одинъ больной, имѣя на рукахъ какіе-то прыщи, получилъ отъ врача неизвѣстное лѣкарство, отъ котораго вся верхняя кожа и ногти сошли долой, что причинило больному

ужасныя страданія, а въ стѣбахъ пораженіе распространилось и на толщу кожи.

Такова китайская терапія. Она богата по крайней мѣрѣ средствами и приѣмами; хирургія же находится на гораздо низшей степени развитія даже по средствамъ. Она ограничивается ущипываніемъ и закручиваніемъ кожи (всего чаще на шеѣ съ боковъ), акупунктурой, т.-е. вкалываніемъ въ тѣло иголь, выдергиваніемъ зубовъ, вставленіемъ искусственныхъ зубовъ, операцией заячьей губы и заворота вѣкъ, вырѣзываніемъ небольшихъ опухолей, неважными разрѣзамп. наложеніемъ лигатуръ en masse и кровопусканіями, общими или мѣстными. Лѣчатъ также переломы и вывихи, но такими оригинальными приѣмами, что я не могу не привести примѣра хпруггического лѣченія, произведеннаго надъ однимъ миссіонеромъ, отцомъ Рипа (Ripa), который самъ рассказываетъ объ немъ въ своемъ дневникѣ. Его сбросила лошадь; онъ лежалъ безъ чувствъ на улицѣ, былъ поднятъ на улицѣ китайцами и перенесенъ въ домъ, куда вскорѣ прибылъ докторъ.

„Онъ велѣлъ мнѣ встать въ постели,—пишетъ онъ,— поставилъ около меня сосудъ съ водою, въ которой плавалъ большой кусокъ льду. Затѣмъ, держа меня за платье, велѣлъ протянуть шею надъ сосудомъ и держать такъ довольно долго, а самъ въ это время поливалъ ее изъ чашки холодной водою. Это должно было „разогнать кровь“, объяснилъ докторъ, и „вызвать проясненіе сознанія“. Потомъ онъ повязалъ голову полотенцемъ, которое тянули за концы два человекъ, а средину стягивалъ онъ самъ, закручивая его палочкой. Это дѣлалось для того, чтобы „выправить мозгъ, который, по его мнѣнію, былъ смѣщенъ“. Стягиваніе произвело сильную боль въ головѣ, но сознаніе у меня прояснилось“. (Не мудрено!)

„Послѣ этого онъ велѣлъ мнѣ сдѣлать прогулку на свѣжемъ воздухѣ при помощи двухъ человекъ, которые меня поддерживали. Въ это время онъ неожиданно выплеснулъ мнѣ на грудь весь сосудъ холодной воды. Я сдѣлалъ глубокий вздохъ, причинившій мнѣ сильнѣйшую боль въ груди, которая была сильно ушибена; но онъ утѣшалъ меня тѣмъ, что „если каное-нибудь ребро было сломано или смѣщено, то теперь оно пришло въ нормальное положеніе“. Вслѣдъ за этимъ операторъ велѣлъ сѣсть на землю, зажалъ мнѣ при помощи двухъ человекъ ротъ и носъ, и они втроемъ чуть было не задушили меня... „Этимъ стѣсненіемъ дыханія“, объяснилъ хирургъ, „окончательно устранено смѣщеніе ребра, если оно есть“. Не глубокая рана на головѣ была залѣплена жженой ватой. Мнѣ запрещено оставаться въ сидячемъ положеніи, а вслѣдъ гулять, и не спать до десяти часовъ вечера. Прогулка должна была „воспрепятствовать крови застою въ груди и испортиться“.

Не смотря на описанное лѣченіе, отецъ Віра выздоровѣлъ и могъ продолжать свое путешествіе.

Скажу нѣсколько словъ о каждомъ изъ методовъ хирургическаго лѣченія. Въ китайской практикѣ, говорятъ, нерѣдко встрѣчаются случаи раненій, наносимыхъ туземцами самимъ себѣ въ припадкахъ гнѣва или для вымогательства денегъ.— „Дай денегъ, или я отрублю себѣ палецъ, и скажу, что это ты мнѣ сдѣлалъ“, говоритъ благонамѣренный человекъ другому, безъ свидѣтелей, и, если угроза не дѣйствуетъ, обѣщаніе приводится въ исполненіе. Тогда отказавшій навѣрно потеряетъ въ судѣ больше, чѣмъ сколько отъ него требовалъ мошенникъ. Всего обыкновеннѣе въ подобныхъ случаяхъ отрубаніе себѣ пальцевъ, но дѣлаются и другія раны, на груди, животѣ и проч. Онѣ лѣчатся самымъ первобытнымъ способомъ. Кровотеченіе останавли-

вается мукой и послѣдовательнымъ обмахиваніемъ чѣмъ-нибудь, вѣроятно для усиленія испаренія и скорѣйшаго высыханія образующейся коры изъ муки и крови; и затѣмъ кладутся тѣ или другія смѣси.

Выдергиваніе зубовъ совершается безъ особенныхъ инструментовъ, а лишь при помощи веревочки, одинъ конецъ которой привязывается за зубъ, а другой къ какой-нибудь перекладинѣ. Затѣмъ даютъ средство, производящее чиханіе, и въ моментъ дѣйствія его зубъ остается на веревкѣ. Предоставляю судить, насколько это остроумно и насколько примѣнимо, напр. для извлеченій верхнихъ и коренныхъ зубовъ. Понятно, что этимъ способомъ могутъ быть удаляемы зубы, весьма слабо сидяція въ ячейкахъ *).

Въ сочиненіяхъ о зубныхъ болѣзняхъ, говоритъ англійскій докторъ Дѣдженъ, упоминается объ одномъ лѣкарствѣ, которымъ можно извлечь много зубовъ только посредствомъ одного прикладыванія его къ послѣднимъ. Это средство есть каломель, и вотъ одинъ изъ примѣровъ „блестящаго успѣха“, достигнутаго вѣроятно при помощи этого лѣкарства. Нѣкто, страдая зубною болью, зашелъ въ одинъ изъ храмовъ, въ которомъ, какъ онъ зналъ, всякія молитвы доходятъ до милостиваго бога; встряхнулъ по обряду кружку съ бамбуковыми палочками, купилъ у жреца, который былъ въ то же время и врачомъ, лѣкарство, и принялъ. Въ скоромъ времени десна и твердое небо у него опухли; зубы стали шататься и большая часть ихъ выпали или сдѣлались негодными къ употребленію!..

*) Самъ я впрочемъ не видалъ этой операціи, а вычиталъ о ней, и, по правдѣ сказать, немножко сомнѣваюсь въ томъ, что тутъ нѣтъ прикрасы, какъ во многомъ, что еще до сихъ поръ рассказываютъ про китайцевъ.

Да, не мало терпѣло человѣчество отъ врачей-знахарей, но въ Китаѣ, можетъ быть, болѣе, чѣмъ гдѣ либо.

Вотъ случай хирургическаго лѣченія паралича, или, собственно говоря, предупрежденіе его. Одинъ больной почувствовалъ онѣмѣніе въ лѣвой половинѣ тѣла и боясь, чтобъ не случился параличъ, обратился къ врачу. Тотъ, послѣ глубокомысленныхъ соображеній относительно натуры болѣзни, перевязалъ ему туго всѣ суставы, мышцы и обѣ стопы черезъ подошвы ремяннымъ тяжемъ, какой употребляютъ китайскіе столяры. Результатомъ этого было, какъ и слѣдовало ожидать, глубокое изъязвленіе всѣхъ перевязанныхъ мѣстъ. И этотъ способъ лѣченія, говорятъ, довольно обыкновенный даже у корифеевъ китайской медицины.

Много случаевъ хирургической практики представляютъ китайцы по части ипородныхъ тѣлъ въ пузырѣ, но извлеченіе ихъ недоступно туземной хирургіи. Они не разъ были удаляемы европейскими врачами при помощи операціи (литотоміи) и представляли цилиндрическіе кусочки свинца, въ родѣ части катетра, палочекъ, которыми китайцы ѣдятъ, и проч. Эти предметы китайцы нерѣдко вводятъ въ уретру и оставляютъ на ночь, вслѣдствіе убѣжденія, будто этимъ можно сохранить до глубокой старости разныя привилегіи молодости. Этой же цѣли, по ихъ мнѣнію, можно достигнуть употребляя ласточкины гнѣзда, жень-шань, рога изюбра (марала), которые всѣ потому такъ дорого и цѣнятся.

Акупунктура производится почти всеми врачами, какого бы сословія они ни были, и запрещена только при дворѣ. Вкалываніе иглъ довольно длинныхъ (до четверти аршина и болѣе) есть одно изъ любимѣйшихъ методовъ лѣченія въ Китаѣ. Выше я упомянулъ, что въ классификаціи существуетъ особый отдѣлъ болѣзней, требующихъ лѣченія акупунктурой; но нѣкоторые врачи относятъ къ этому классу

чугъ ли не всѣ болѣзни. Обѣ иглоукальваніи имѣются подробныя сочиненія; правительство не перестаетъ помогать усовершенствованію этого метода. При императорѣ Цинь-Лунь были отлиты двѣ бронзовыя человѣческія фигуры, на поверхности тѣла которыхъ были обозначены всѣ пункты для вкальванія иглъ, съ обозначеніемъ, въ какихъ случаяхъ и гдѣ оно должно быть производимо. Съ этихъ фигуръ сдѣланы рисунки, вырѣзаны на доскахъ и печатаются до сихъ поръ въ назиданіе врачамъ. Эти рисунки таковы, что въ нихъ съ трудомъ узнается изображеніе человѣка и на всей поверхности тѣла почти не остается четверти, въ которую не совѣтовали бы втыкать иглы. Укальваніе бываетъ поверхностное, когда иглу не пускаетъ кость, или наоборотъ, она глубоко проникаетъ въ тѣло и производитъ часто раненіе внутренностей, причиняя иногда тяжкія послѣдствія въ родѣ суженія выхода желудка, парывовъ въ печени и селезенкѣ, воспаленіе брюшины и т. п.

Нужно удивляться только смѣлости мудрыхъ ученыхъ поднебесной имперіи, съ какою вонзаютъ они свои чудодѣйственныя иглы, иной разъ вовсе не имѣя понятія даже о расположеніи органовъ. Акупунктурой лѣчатся, какъ и сказали, всякія болѣзни, во всякихъ стадіяхъ, но крайней мѣрѣ могутъ быть лѣчимы. Иногда лѣченіе проходитъ безнаказанно; болѣзнь уступаетъ природѣ, и пациентъ выздоравливаетъ; а жалкій врачъ выводитъ заключеніе о благодѣтельномъ вліяніи акупунктуры; въ случаяхъ же несчастнаго исхода онъ иногда попадаетъ подъ судъ, такъ какъ закономъ предусмтрѣна возможность вреда отъ этого лѣченія. А именно: статья 297-я свода законовъ говоритъ: „Когда неискусный врачъ, назначая лѣкарство или употребляя иглоукальваніе, поступаетъ несогласно съ предписанными правилами, и тѣмъ причиняетъ смерть, городская дума

назначаетъ комиссію изъ врачей для изслѣдованія лѣкарства или раны. Если будетъ доказано, что вредъ причиненъ неумышленно, врачъ судится по законамъ о нечаянномъ убійствѣ и лишается навсегда права практики. Если же онъ умышленно уклонялся отъ узаконенныхъ правилъ (значить это бываетъ) и будетъ уличенъ въ неправильномъ лѣченіи съ цѣлью наживы, тогда судится, какъ воръ. Если отъ неправильнаго умышленнаго лѣченія послѣдуетъ пациенту смерть, онъ приговаривается къ смертной казни черезъ отсѣченіе головы“ *).

Впрочемъ приведенная выше статья, какъ говорятъ, рѣдко примѣняется на практикѣ, и китайскіе врачи могутъ убивать безнаказанно своихъ довѣрчивыхъ жертвъ. Оно и понятно: какимъ образомъ китайскіе врачи будутъ строго судить своего собрата, когда все они не имѣютъ никакихъ твердыхъ правилъ. никакого мѣрила для оцѣнки правильныхъ или неправильныхъ дѣйствій, и каждый въ душѣ сознаетъ собственную слабость, понимаетъ, что и самъ точно также дѣйствуетъ въ потьмахъ, очертя голову.

*) Этотъ же родъ казни считается болѣе позорнымъ, чѣмъ смерть посредствомъ задушенія, потому что при второй „не обезображивается тѣло, полученное отъ родителей, и эти родители будутъ менѣ огорчаться“; всякое же огорченіе, причиненное родителямъ, ложится тяжкимъ грѣхомъ на душу китайца. На этомъ основаніи замѣна отсѣченія головы задушеніемъ считается милостью. хотя послѣднее болѣе мучительно, такъ какъ въ Китаѣ преступника душатъ въ два приема для того, чтобы въ антрактѣ душа могла свободно вылетѣть изъ тѣла. Милостью считается также дозволеніе пришить голову къ тѣлу послѣ ея отсѣченія, и это разрѣшается далеко не во всемъ. Обыкновенно же голова выставляется въ клѣткѣ и не хоронится. Эта забота о сохраненіи въ жизни цѣлости своего тѣла такъ присуща китайцамъ, что они скорѣе соглашаются умереть, чѣмъ рѣшится на ампутацію.

Въ какое затруднительное положеніе ставятся причаи иници мѣръ при судебно-медицинскихъ освидѣтельствующихъ, при разрѣшеніи вопроса о причинахъ смерти. Въ Китаѣ никого не хоронятъ безъ свидѣтельства для свободнаго пропуса за городскія ворота, но эти свидѣтельства выдаются не врачами, не полиціей, а людьми особой касты, — „гадальниками на песокъ“. Эта каста совершенно самостоятельная: она не подчинена въ сферѣ своей дѣятельности мѣстнымъ мандаринамъ, лишь за исключеніемъ рѣдкихъ случаевъ, когда предполагается, что свидѣтельство выдано несправедливо, на фальшивыхъ основаніяхъ, когда наиримѣрь предполагается насильственная смерть, а ими объ этомъ не объявлено. Тогда производится судебно-медицинское изслѣдованіе, равно какъ въ случаяхъ смерти отъ повѣшенія, утопленія или какого-либо несчастія. Тогда свидѣтельство на похороны выдается уже не гадальниками; но если при собраніи показаній относительно происшествія не находятъ свидѣтелей, или свидѣтели заперются, или даютъ сбивчивые отвѣты, то для разрѣшенія вопроса опять приходится прибѣгать къ гадальникамъ. Это ясно показываетъ, какъ суевѣріе перенутывается въ Китаѣ съ разумнымъ фантазія съ дѣйствительностью. Гадатель, выдавая свидѣтельство о естественной смерти, опредѣляетъ день, благоприятный для похоронъ, предсказываетъ будущую участь отлетѣвшаго духа, назначаетъ границу въ пространствѣ, до которой онъ поднимется, прежде чѣмъ „превратится въ дуновение ветра и унесется въ поля и очаровательные сады странъ блаженства“. И назначеніе этой высоты, и выборъ дня для похоронъ находятся, конечно, въ зависимости отъ денежныхъ условій съ родными покойнаго. Чѣмъ больше платятъ за свидѣтельство, тѣмъ на большее время отодвигаются похороны, если родственники желаютъ оставить при себѣ по-

койника возможно долѣе. Такой порядокъ вещей существуетъ и во время самыхъ страшныхъ эпидемій, что нерѣдко служитъ причиною многихъ смертей какъ въ семьѣ, такъ и въ сосѣднихъ домахъ.

Приведу теперь примѣръ судебно-медицинскаго осмотра по поводу подозрѣнія о насильственной смерти. Дѣло происходило въ Пекинѣ, въ госпиталѣ при англійской Духовной Миссіи. Осмотръ производился на третій день послѣ смерти, происшедшей вслѣдствіе драки, причемъ человѣку былъ произведенъ переломъ шейки бедра. Тѣло вынесли на дворъ; поставили столъ и стулья для членовъ комиссіи, на такомъ разстояніи, чтобъ можно было видѣть тѣло и въ то же время уберечь отъ непріятныхъ ощущеній обоняніе. Одинъ неважный чиновникъ сѣлъ къ столу для записыванія словъ врача, производившаго изслѣдованіе; другіе принесли чашки съ водой и курильницы и поставили ихъ предъ мандаринами -- членами комиссіи. Началось изслѣдованіе. Трупъ лежавшій на спинѣ окатили водой и вымыли, послѣ чего кожаца сошла. Изслѣдователь приступилъ къ дѣлу при помощи налочекъ и началъ съ головы; внимательно осмотрѣлъ лицо, уши и ротъ; потомъ перешелъ къ боковымъ поверхностямъ тѣла и конечностямъ, обращая особенное вниманіе на суставы. Не менѣе тщательно осмотрѣлъ ребра. Потомъ такой же осмотръ былъ произведенъ надъ другой поверхностью тѣла. Это заняло съ полчаса. Онъ подошелъ къ столу, сообщилъ результатъ осмотра, и показанія его были записаны. Потомъ всѣ мандарины, заткнувъ ноздри бумагой и взявъ въ руки мокрыя полотенца, подошли къ трупу вмѣстѣ съ изслѣдователемъ и долго смотрѣли, какъ легко двигалось бедро и, прикладывая руку, слушали крепитацию осколковъ кости. Они о чемъ-то поговорили между собой, и изслѣдованіе кончилось; причина смерти была опредѣле-

на и приговоръ объявленъ. Пять человѣкъ, бывшихъ виновниками болѣзни и послѣдовавшей за ней смерти, при-суждались: главный виновникъ къ смертной казни задуше-ніемъ, одинъ къ ссылке на всю жизнь, остальные трое— на нѣсколько лѣтъ. О вскрытіяхъ труповъ въ Китаѣ, гдѣ каждый покойникъ представляетъ до нѣкоторой степени святыню, разумѣется, и рѣчи быть не можетъ.

Если человѣкъ умираетъ на улицѣ, трупъ его остается нетронутымъ (только прикрытымъ), до тѣхъ поръ, пока не будетъ произведенъ осмотръ. Онъ лежитъ иногда въ продолженіе нѣсколькихъ дней, въ ожиданіи пріѣзда ман-дарина для произведенія описаннаго выше изслѣдованія; и мы не разъ случалось видѣть трупы на улицахъ, по ко-торымъ проходила равнодушная толпа; невдалекѣ бѣгали и играли дѣти; и никто, казалось, не замѣчалъ его, никого не смущало это мертвое тѣло — словно присутствіе его на данномъ мѣстѣ было обыденнымъ явленіемъ.

Заговоривъ о судебной медицинѣ, я упомяну еще о дру-гомъ не менѣе интересномъ приѣмѣ, какой употребляется для опредѣленія родства найденнаго новорожденнаго ребен-ка. А именно: въ сосудъ съ водою пускаютъ нѣсколько ка-пель крови, взятой отъ предполагаемаго родственника (или родственниковъ, когда ихъ нѣсколько), и отъ ребенка. Если капли сливаются, смѣшиваются, несомнѣнность родства счи-тается доказанною: если же не смѣшиваются, это служитъ доказательствомъ противнаго! Но это еще ничего; въ Ки-таѣ рѣшаютъ вопросы еще болѣе трудные, напримѣръ опредѣляютъ родство ребенка съ его уже умершими род-ственниками. Найдена положимъ кость, и для того, чтобы узнать, кому принадлежитъ она, пускаютъ каплю крови, взятой отъ живаго ребенка, принадлежащаго къ потомкамъ предполагаемаго родственника, на изслѣдуемую кость, и,

если кровь впитывается послѣднею, фактъ родства не подлежитъ сомнѣнію, и наоборотъ!

Видите, какъ невѣроятна эта пашность: и, надѣюсь, по приведеннымъ образцамъ можно судить о состояніи и другихъ медицинскихъ наукъ въ Китаѣ. Перендемъ теперь къ самимъ жрецамъ медицины и ихъ практической дѣятельности.

Врачей въ Китаѣ и великое множество и ни одного нѣтъ, потому что тамъ врачемъ можетъ быть всякій, кто и когда вздумаетъ. Если больной не встрѣчается съ докторомъ случайно, какъ это бываетъ напримѣръ на улицѣ, когда пациентъ привлекается его рѣчами и нагеприками своей учености и имѣющимся у него удивительнымъ и притомъ дешевымъ лѣкарствамъ; если не требуется безотлагательная скорая помощь, а больной собирается полѣчиться, тогда онъ обыкновенно сначала обращается къ гаданію, съ вопросомъ къ какому врачу обратиться, или просто бросаетъ жребій, на кого изъ задуманныхъ онъ выпадетъ. Тогда рѣшеніе судьбы исполняется въ точности, если даже это и очень затруднительно, если, напримѣръ, нужно далеко ѣхать къ указанному судьбою врачу.

Таксы для платы врачамъ въ Китаѣ также не существуютъ, какъ не существуетъ того обычая, о которомъ, я не могу вспомнить гдѣ именно, рассказывалось, что будто-бы домашній врачъ получаетъ постоянное жалованье, но лишь до тѣхъ поръ, пока всѣ въ домѣ здоровы; съ заболѣваніемъ же кого-либо жалованье немедленно прекращается и начинается идти снова со дня выздоровленія. Имятъ постоянныхъ врачей въ Китаѣ даже не въ обычай вовсе. Врачи на постоянномъ жалованьи находятся только при дворѣ, да на нѣкоторыхъ мѣстахъ государственной службы. Обыкновенно же врачу платятъ за визитъ такъ называемыя *ли-цзинь*,

т.-е. „деньги на лошадь“, на извозчика, въ какомъ угодно размѣрѣ, или по предварительному соглашенію за излеченіе. Является больной къ доктору и спрашиваетъ, за сколько онъ его вылѣчитъ и какъ скоро. Тотъ изслѣдуетъ пульсъ, распрашиваетъ, опредѣляетъ болѣзнь, назначаетъ срокъ и условливается въ платѣ, часть которой выдается впередъ. Затѣмъ пациентъ получаетъ прелестнаго вкуса лѣкарство, по количеству и разнообразію состава болѣе пригодное для лошади, чѣмъ для человѣка, и удаляется. Ему кромѣ того предписывается воздержаніе отъ извѣстнаго рода пищи, напримѣръ гороху и бобовъ, предписывается извѣстное настроеніе умственныхъ способностей и вѣра въ дѣйствительность лѣкарства, а также запрещается работать. Все это исполняется строго, и если по прошествіи назначеннаго срока выздоровленіе не наступаетъ, онъ идетъ къ врачу, бранитъ его невѣжественнымъ шарлатаномъ, который только укралъ у него деньги, и обращается къ другому. Съ этимъ повторяется та же исторія, и такъ далѣе, пока пациентъ не броситъ намѣреніе лѣчиться или пока болѣзнь его не пройдетъ сама собою.

Въ случаѣ же усиѣннаго излеченія, врачу подносится съ торжественною церемоніей *бинь*, т.-е. доска, болѣе или мѣнѣе красиво отдѣланная, съ надписью, выражающею какое-нибудь изреченіе, служащее къ прославленію врача, напримѣръ въ родѣ слѣдующихъ: „Узнаетъ болѣзни, какъ духъ“. „Оказываетъ благодѣянія міру, подобно возвращенію весны“. „Сопернику Хо и Хуанъ“. (знаменитые врачи прежнихъ временъ). „Ничѣмъ въ какомъ случаѣ не недѣйствительный“. Эти доски развѣшиваются докторами на дворѣ, а иногда и на улицѣ, или же въ комнатахъ,—и составляютъ гордость и даже капиталъ врача, потому что онѣ обезпечиваютъ ему практику.

Въ Китаѣ нѣкоторые изъ врачей, благодаря наблюдательности, ловкости и счастьемъ приобрѣтаютъ богатство и славу, но это бываетъ рѣдко; большинство же перебивается кой-какъ, прибѣгая къ разнымъ способамъ для привлеченія къ себѣ пациентовъ и расширенія своей практики. Дѣлаются публикаціи при помощи приклеиваемыхъ на улицахъ афишъ *) о новыхъ илюляхъ, порошкахъ и пластыряхъ; или произносятся рѣчи на улицѣ возлѣ столпа, за которымъ сидитъ врачъ, прославляя свои лѣкарства и предлагая ихъ публикѣ; кромѣ того употребляются разные флаги, вывѣски съ надписями и изображеніями спеціальности; напримѣръ, у окулистовъ два огромныхъ глаза; дантисты дѣлаютъ четки или ожерелья изъ зубовъ, выдернутыхъ ими, и съ этими трофеями расхаживаютъ по улицамъ. Иной врачъ для большей убѣдительности наноситъ себѣ ушибы, раны и тутъ же быстро излѣчиваетъ ихъ элексирами своего изобрѣтенія, объясняя при этомъ, что онъ предварительно укрѣпилъ себя внутренними лѣкарствами. Въ среднемъ Китаѣ, гдѣ верблюды составляютъ рѣдкость, врачъ приобрѣтаетъ себѣ таковаго, и, странствуя съ нимъ по улицамъ городовъ, привлекаетъ толпу, и тутъ же рассказываетъ ей о разныхъ случаяхъ удивительнаго исцѣленія, о дешевизнѣ его лѣкарствъ, увѣряя напримѣръ, что воздухъ, которымъ люди дышать, стоитъ дороже ихъ; и убѣжденные его краснорѣчіемъ покушаютъ.

Изъ этого видно, что положеніе врачей въ Китаѣ не только не блестящее, но даже мало почетное. Это происхо-

*) Иногда подобныя афиши отличаются крайнею нескромностью нѣкоторыхъ изъ своихъ подробностей; и между ними особенно неприличны такъ называемыя „весенніе рецепты“ и другія секретныя средства, хотя они въ Китаѣ не могутъ называться секретными, потому что вывѣшиваются на улицахъ съ самой беззабавчивой откровенностью.

дѣтъ отъ того, что врачебное сословіе формируется совершенно произвольно, т.-е. врачомъ дѣлается всякій, кто находитъ для себя это званіе пріятнымъ или выгоднымъ. Никакихъ школъ, ни экзаменовъ, никакихъ дипломовъ, ни правительственныхъ постановленій для образованія людей, занимающихся медициной, въ Китаѣ не существуютъ. Званіе врача не даетъ никакихъ правъ въ государствѣ. Только при Минской Династіи, болѣе 200 лѣтъ назадъ, былъ основанъ такъ называемый Медицинскій Приказъ (Тай-И-Юань) открывавшій врачамъ дорогу для поступленія на службу; въ немъ врачи держали экзаменъ, писали сочиненія о какой-нибудь болѣзни и ея лѣченіи; но онъ существуетъ теперь только номинально. До частныхъ врачей, впрочемъ, онъ никогда не имѣлъ дѣла, и потому въ Китаѣ можно встрѣтить между врачами людей всякаго званія: разжалованныхъ чиновниковъ, лишившихся средствъ къ существованію, сидѣльцевъ аптекарскихъ лавокъ, разорившихся купцовъ, гадателей, живописцевъ, которымъ не повезло на художественномъ поприщѣ, и деревенскихъ жителей; послѣднихъ особенно много между иглоукалывателями.

Званіе врача во всякомъ случаѣ позволяетъ въ Китаѣ легко и безъ труда улучшить свое состояніе, особенно, какъ замѣчаетъ докторъ Татариновъ, благодаря замѣчательной склонности китайцевъ лѣчиться отъ всего и у всѣхъ, было бы только дешево. За то занятіе медициной въ Китаѣ и не даетъ того, чего достигаютъ „занимающіеся словесностью“. Про первую профессію, т.-е. медицинскую, въ Китаѣ говорятъ — „идти малою дорогой“, а про вторую — „идти большою дорогой“. Тѣмъ не менѣе малую дорогу избираетъ гораздо большее число людей, какъ болѣе легкую.

О статистикѣ въ Китаѣ для путешественника, постоянно движущагося дальше и дальше, не можетъ быть рѣчи, но число врачей, говорятъ, громадно. Не менѣе замѣчательно еще то, что медицинскія книги, служащія кодексомъ знаній и руководствомъ для практиковъ, писались большею частью не врачами, а дипломатами, напримѣръ важными маандаринами или даже императорами, которые писали свои сочиненія больше для того, чтобы прослыть сочинителями, чѣмъ изъ любви къ предмету, хотя, конечно, и изъ желанія пользы ближнему.

Современные врачи ни чуть не лучше прежнихъ, если не хуже, потому что они большею частью люди лишенные всякаго образованія, исключительно промышленники; и такой порядокъ, вѣроятно, останется въ Китаѣ до тѣхъ поръ, пока онъ будетъ стоять особнякомъ, храня свои суевѣрія и предрассудки, пока не придутъ новые люди и не привьютъ на его почвѣ новыхъ идей, новой науки и новыхъ формъ государственной жизни и общественной дѣятельности. Эти новые люди уже пришли, поселились во многихъ мѣстахъ и въ большинствѣ своихъ колоній устроили церкви, а при нихъ госпитали, пріемные покои, аптеки и пріюты для неизлѣчимыхъ, слѣпыхъ и покинутыхъ больныхъ. И должно сказать правду, дѣло медицинской помощи идетъ гораздо уснѣбнѣе, чѣмъ проповѣдь евангельская; туземцы убѣждаются въ превосходствѣ заморской науки предъ туземною, и число обращающихся къ европейскимъ врачамъ, не исключая даже женщинъ, съ каждымъ годомъ возрастаетъ. При нѣкоторыхъ изъ госпиталей имѣются фельдшерскіе ученики изъ китайцевъ, занимающіеся подъ руководствомъ докторовъ, и они по своимъ свѣдѣніямъ стоятъ неизмѣримо выше самыхъ ученыхъ китайскихъ врачей. Въ Пекинѣ докторомъ Dudgeon'омъ издаются на китайскомъ

языкъ нѣкоторыя книги по части медицины и естественныхъ знаній съ рисунками и чертежами; въ Шанъ-Хаѣ печатается газета, знакомящая китайцевъ съ бытомъ другихъ народовъ; и, думаю, не будетъ большою смѣлостью, если я скажу, что не въ далекомъ будущемъ Китай ожидаетъ коренное преобразование. Тогда можетъ быть будетъ чему научиться у китайцевъ и въ области медицины; въ настоящее же время, по моему мнѣнiю, перенять у нихъ нечего. И самыя знаменитыя изъ ихъ лѣкарствъ, по строгому испытанiи ихъ въ европейскихъ клиникахъ, между прочимъ и въ Петербургской Медико-Хирургической Академии особой комиссiей профессоровъ, въ 1860-тыхъ годахъ, оказались вовсе не заслуживающими той громкой славы, какою они пользуются на родинѣ: а знаменитый корень жень-шень, будто бы возвращающiй въ жизни умирающихъ, и между ними занялъ послѣднее мѣсто.

В. В. ДЮДЕКА

58

5/4

ТОГО ЖЕ АВТОРА:

Путешествіе по Китаю въ 2-хъ томахъ съ картою
и портретомъ автора. Изданіе второе 1882 г. Цѣна за 2 т.
6 руб.

Неудачная экспедиція въ Китай. 1881
1 руб. 50 коп.